

Л.В. ВОРОТЫНЦЕВ

НА ГРАНИЦЕ ВЕЛИКОЙ СТЕПИ

Контактные зоны
лесостепного пограничья Южной Руси
в XIII — первой половине XV вв.

Леонид Вячеславович Воротынцев
На границе Великой степи.
Контактные зоны лесостепного
пограничья Южной Руси в
XIII – первой половине XV в.
Серия «Новейшие исследования
по истории России», книга 42

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69136552

*На границе Великой степи. Контактные зоны лесостепного пограничья
Южной Руси в XIII – первой половине XV в.:
ISBN 978-5-227-10298-0*

Аннотация

Монография посвящена изучению истории пограничных со Степью регионов Южной Руси XIII – первой половины XV в. В исследовании освещаются вопросы административно-политической, хозяйственно-экономической и этнокультурной интеграции южнорусских земель в государственную систему Монгольской империи и Улуса Джучи (Золотой Орды). На основании анализа широкого круга письменных и археологических источников автор приходит к выводу о формировании в ряде регионов южнорусской лесостепи так

называемых «контактных зон», существовавших на всем протяжении золотоордынской эпохи. Издание адресовано специалистам, занимающимся изучением истории средневековой Руси и Золотой Орды, а также преподавателям, студентам, аспирантам и всем интересующимся историей русско-ордынских отношений.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Введение	6
Глава 1	21
§ 1.1. Терминологические аспекты исследования	21
§ 1.2. Основные теоретические аспекты изучения темы в отечественной и зарубежной историографии	46
§ 1.3. Основные источники темы	60
Конец ознакомительного фрагмента.	72

**Леонид Вячеславович
Воротынцев
На границе Великой степи
Контактные зоны
лесостепного пограничья
Южной Руси в XIII –
первой половине XV в**

© Воротынцев Л.В., 2023

© «Центрполиграф», 2023

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2023

*Письменные источники, какими бы ценными
они ни были, все же требуют к себе строго
критичного подхода и должны оцениваться с
оглядкой на беспристрастные доказательства,
добытые лопатой археолога.*

Тоби Уилкинсон

Введение

Изучение межэтнических и межкультурных контактов, а также их влияния на историческое развитие государств и народов продолжает оставаться одной из наиболее актуальных тем в современной исторической науке. Процессы глобализации, сопровождаемые резким ростом коммуникативной активности, культурного и экономического взаимодействия между различными регионами и этническими группами, заставляют исследователей обращать все более пристальное внимание на аналогичные процессы, происходившие в исторической ретроспективе.

Практически во все исторические эпохи (за исключением догосударственного периода) основными центрами межэтнических контактов являлись крупные городские агломерации и торговые фактории, имевшие полиэтническое население и устоявшиеся традиции совместного проживания представителей различных народов. Не менее интенсивный и продолжительный характер процессы этнокультурного взаимодействия носили в регионах, пригодных для ведения многоукладной хозяйственно-экономической деятельности, располагавшихся, как правило, в пограничных ландшафтных зонах переходного типа (предгорья, оазисы, лесостепь). На пространстве Евразийского континента к таковым зонам следует отнести предгорья Карпат, Кавказа, Урала, Тянь-Шаня.

ня и Алтая, оазисы Центральной Азии (Маверанахра и Синцзяна), а также лесостепную полосу, протяженностью от Пруто-Днестровского междуречья до Верхнего Приангарья.

Рассматривая вопросы этнополитической и этнокультурной истории лесостепных регионов Северной Евразии, необходимо учитывать всю совокупность как военно-политических, так и природно-географических факторов, оказывавших непосредственное влияние на хозяйственно-экономическое развитие данных территорий и процесс этногенеза населявших их народов. В частности, специфической особенностью ландшафтной структуры евразийской лесостепной зоны являлось сочетание обширных остепененных участков на пространствах речных водоразделов с азональными лесными массивами приречных долин и лесов байрачного типа, располагавшихся в верховьях балочно-овражных систем. Указанные особенности способствовали устойчивости лесостепных биоценозов в периоды климатических изменений, а пространственная неравномерность увлажнения евразийской лесостепной полосы обеспечивала ее природное разнообразие, выражавшееся в сопредельном существовании «островов» леса и участков разнотравной степи.

В эпохи, характеризующиеся аридизацией климата и распространением степных ландшафтов в северном направлении, лесостепные регионы приобретали особую важность для скотоводческого хозяйства кочевников ввиду гораздо большей продуктивности пастбищных выпасов и сенозаго-

товительных угодий, значительно превышающих возможности злаковой зоны степи. В то же время высокая урожайность агрокультур (прежде всего зерновых), обеспечиваемая плодородностью гумусных черноземов целинных земель, способствовала интенсивному освоению приречных участков лесостепной полосы земледельческим населением в периоды избыточного увлажнения лесо-таежной зоны. Таким образом, интенсивность этнокультурных контактов на территории евразийской лесостепи находилась в прямой зависимости от климатических изменений, сопровождавшихся трансформацией природных ландшафтов.

Не менее значимое влияние на этнополитическую историю вышеуказанного макрорегиона оказывало периодическое возникновение на южных границах лесостепной зоны Евразии крупных кочевнических держав («империй» хунну, тюрков, авар, хазар, кимаков, киданей, монголов). Военно-политические процессы формирования и распада государственных или протогосударственных объединений степняков, сопровождавшиеся миграциями племен и племенных союзов, приводили к инфильтрации кочевников в лесостепные регионы и их взаимодействию с автохтонным населением.

Последними по времени государственными образованиями степных племен, оказавшими серьезное влияние на этнополитические процессы в регионах евразийской лесостепи,

следует считать Монгольскую империю¹ и позднее выделившийся в отдельное самостоятельное государство Улус Джучи (Золотую Орду).

Основной целью представляемой работы является изучение специфики развития лесостепных регионов русско-ордынского пограничья в контексте административно-политических, хозяйственно-экономических и этнокультурных контактов различных групп оседлого и кочевого населения на материале письменных и археологических источников.

Наличие устойчивых зон славяно-тюркских межэтнических контактов в западной части евразийской лесостепной полосы прослеживается с V – первой половины VI в. н. э., когда продвижение земледельческих племен пеньковской этнокультурной общности (антов) в южном и юго-восточном направлениях активизировало процессы взаимодействия с группами кочевого населения региона. Выходцы из алано-болгарских племен интегрировались в полиэтнические пеньковские общины. Их присутствие отмечено находками кочевнических жилищ на поселениях антов в Среднем Поднепровье². Влияние степной культуры весьма ощутимо

¹ Термин «Монгольская империя» является устоявшимся и получившим широкое распространение в научных исследованиях историографическим конструктом, сформированным на основе анализа типологии государственного устройства державы Чингисхана. В монгольской политико-дипломатической традиции официальное название государства звучало как *Yeke Mongyol Ulus* (Большое Монгольское Владение).

² *Флеров В.С.* Раннесредневековые юртообразные жилища Восточной Европы.

и в группе пастырских древностей³. К началу VI в. н. э. поселения пеньковцев распространились на всю лесостепную полосу Днепровского правобережья, от Поросья до Сирета, а также в приречные долины Сулы и Тясмина к востоку от Днепра, выйдя к границам степной зоны⁴.

Появление в 50-х гг. VI в. в степях Северного Причерноморья авар (обров, вархонитов), набеги которых, по сообщению византийского хрониста Менандра Протектора, «опустошили их [антов] землю» и привели антские «хории» (общины) «в бедственное положение»⁵, на некоторое время приостановили переселенческую активность пеньковских племен в южном и юго-восточном направлениях. Однако уже в следующем столетии происходит возобновление колонизации лесостепных регионов Днепровско-Донского междуречья как славянскими, так и алано-болгарскими родоплеменными объединениями. Интенсификация переселенческих процессов являлась прямым следствием установления так называемого «хазарского мира»⁶, связанного

М., 1996. С. 33–36; *Алексеев С.В.* Славянская Европа V–VIII веков. М., 2009. С. 39–40.

³ *Седов В.В.* Восточные славяне в VI–XIII вв. М., 1982. С. 24; *Скиба А.В.* Взаємовідносини кочовиків і слов'ян Південно-Східної Європи у 6–7 ст. (культурно-політичний аспект). Дис. ... канд. іст. наук. Київ, 2006. С. 110–126.

⁴ *Алексеев С.В.* Указ. соч. С. 77, 84.

⁵ *Менандр Византиец.* Продолжение Истории Агафия // Византийские историки: Дексипп, Эвнапий, Олимпиадор, Малх, Петр Магистр, Менандр, Кандид Исавр, Ноннос и Феофан Византиец / Пер. Г.С. Дестуниса. СПб., 1860. С. 324.

⁶ *Артамонов М.И.* История хазар. СПб., 2002. С. 248, 251.

с определенной стабилизацией военно-политического положения в степях Черноморско-Каспийского макрорегиона, а также политикой правящей верхушки Хазарского каганата, направленной на укрепление внешних границ государства и обеспечение безопасности торговых путей.

Во второй половине VII–VIII вв. ряд лесостепных районов междуречий Псла, Сейма и Десны заселяется племенами так называемой волынцевской этнокультурной общности, имевшей достаточно интенсивные контакты с алано-болгарским населением междуречий Северского Донца, Оскола и Дона, получившим в историографии название салтовской или салтово-маяцкой археологической культуры⁷. В частности, на территории крупнейших волынцевских поселений – Битицкого и Опошнянского городищ – археологически фиксируется наличие полиэтничного населения и смешанный тип застройки (славянские полуземлянки и алано-болгарские юрты)⁸. Аналогичная ситуация прослеживается и на роменско-борщевских поселениях, располагавшихся в лесостепном Подонье и Подонцовье (Титчихинское городище, горо-

⁷ Юренко С.П. Население Днепровского левобережья в VII–VIII вв. н. э. (волынцевская культура) // Труды V Международного конгресса археологов-славистов. Т. 4. Киев, 1988. С. 224–251; Плетнева С.А. На славяно-хазарском пограничье: Дмитриевский археологический комплекс. М., 1989; Она же. Очерки хазарской археологии. М., 2000. С. 25–26; Колода В.В. Контакты славянского мира и Хазарского каганата на Северском Донце: этнокультурный аспект // Поволжская археология. 2015. № 4 (14). С. 58–59.

⁸ Седов В.В. Указ. соч. С. 137; Алексеев С.В. Указ. соч. С. 358.

дище Михайловский кордон и др.), где имеются неоспоримые доказательства проживания представителей салтовской культуры⁹.

Наряду с проникновением кочевников в оседло-земледельческие общины происходил и обратный процесс подселения славян на салтовские поселения. Следы постоянного проживания славянского населения, принадлежащего к роменской археологической культуре, отмечены на салтовском комплексе у с. Сухая Гамольша, а также Дмитриевском, Донецком и Новотроицком городищах, имевших полиэтничное население¹⁰. О наличии смешанного славяно-алано-болгарского населения в лесостепном Подонье позволяет судить и археологический материал, происходящий из погребений VIII–X вв. на Среднем Дону, в бассейне Хопра и Северского Донца¹¹.

⁹ *Березовец Д.Т.* Слов'яни і племена салтівської культури // Археологія. Київ, 1965. С. 19; *Сухобоков О.В.* Славяне Дніпровського лівобереж'я (Роменська культура і її предшественники). Київ, 1975; *Он же.* Дніпровське Лісостепове Лівобереж'я у VIII–XIII ст. Київ, 1992; *Винников А.З.* Контакти донських славян с алано-болгарським миром // СА. 1990. № 3. С. 71–72, 124–137; *Алексеев С.В.* Указ. соч. С. 367.

¹⁰ *Михеев В.К.* О социальных отношениях у населения салтово-маяцкой культуры Подонья-Приазовья в VIII–X вв. Ч. 1 // Археология славянского Юго-Востока: Материалы к межвузовской научной конференции. Воронеж, 1991. С. 44.

¹¹ *Винников А.З.* Белогорский курганный могильник I тыс. н. э. // Археология Восточно-Европейской лесостепи. Воронеж, 1979. С. 145–163; *Афанасьев Г.Е.* О культуре населения Донского левобережья во второй половине VIII – начале X в. // ИЭ. Вып. III. Л., 1985. С. 92–93.

Таким образом, во второй половине VII–IX вв. в результате масштабной земледельческой колонизации алано-болгарским и славянским населением лесостепных районов Днепровско-Донского междуречья происходит формирование славяно-тюрко-аланской контактной зоны на северо-западных рубежах Хазарии.

Ослабление Хазарского каганата в первой половине X в., сопровождавшееся восстаниями подчиненных народов и ростом военной активности канглов (печенегов), по всей вероятности, явилось основной причиной упадка роменско-борщевской и салтово-маяцкой этнокультурных общностей и привело к значительному оттоку оседлого населения из лесостепных районов Днепровско-Донского междуречья в верховья Северского Донца и Дона, а также в Среднее Поволжье¹². Вместе с тем о сохранении достаточно многочисленного алано-болгарского (салтовского) населения в лесостепном Подонцовье и в постхазарскую эпоху свидетельствует сообщение Ипатьевской летописи о «поимании» дружинами русских князей «яских градов» во время похода сына Владимира Мономаха – Ярослава против половцев в 1116 г.¹³

¹² Артамонов М.И. Указ. соч. С. 359–361; Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1991. С. 4. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.docviewer.ru;> С. 25–27; Казаков Е.П. О болгаро-салтовских комплексах в керамике ранней Волжской Болгарии // Археология и история Древней Руси. Воронеж, 1993. С. 104–106; Плетнева С.А. О связях алано-болгарских племен Подонья со славянами в VIII–IX вв. // СА. 1962. № 1. С. 94.

¹³ ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. СПб., 1908. Стб. 284.

Усиление древнерусского государства к концу X столетия вновь активизировало процессы хозяйственного освоения славянским земледельческим населением пограничных со Степью территорий, а расселение в XI–XII вв. ряда племен тюркоязычных кочевников в качестве военных федератов на южных границах Руси интенсифицировало процессы межэтнического взаимодействия.

Началом данному процессу послужило возведение киевским князем Владимиром Святославичем оборонительных линий на Десне, Остере, Трубеже, Суле и Стугне¹⁴, появление которых в значительной степени способствовало возобновлению славянской земледельческой колонизации лесостепных районов Среднего Поднепровья¹⁵.

Следует отметить, что население пограничных со Степью регионов Южной Руси уже на начальном этапе хозяйственного освоения данных территорий состояло из различных этнических групп как славянского, так и тюрко-аланского происхождения. Однако в результате кыпчакской (половецкой) экспансии в причерноморские степи, приведшей к массовой миграции печенежско-гузских племен в западном (Венгрия), юго-западном (Византийская империя, Болгария) и

¹⁴ Там же. СПб., 1908. Стб. 106; Латиноязычные источники по истории Древней Руси. Германия. Вып. I. Середина IX – первая половина XII в. М., 1980. С. 50; *Кудряшов К.В.* Половецкая степь. М., 1948. С. 127–128.

¹⁵ *Котьшиев Д.М.* Русская земля в X–XII вв.: центр и периферия // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2016. Вып. 5. С. 233–252.

северном (Южная Русь) направлениях¹⁶, происходит значительное увеличение численности тюркоязычного этнического элемента в районах южнорусского лесостепного пограничья. На протяжении XIX вв. появляется несколько обширных территориальных анклавов с полиэтническим населением, несшим военную службу по охране густозаселенных земледельческих областей Киевского, Черниговского, Переяславского и Галицко-Волынского княжеств. К таким анклавам следует отнести районы киевского Поросья, черниговского Посеймья и Подонцовья, переяславского Посулья и галицко-волынского Побужья¹⁷.

В летописных источниках тюркоязычное население указанных регионов известно под обобщающим названием «своих поганых» или «черных клобуков», включавших в себя родоплеменные объединения печенегов (канглов) и торков (гузов), вынужденных покинуть прежние кочевья под натиском новой волны кочевников и расселиться на землях ле-

¹⁶ Князький И.О. Византия и кочевники южнорусских степей. СПб., 2003. С. 57–59, 69–70, 77; Плетнева С.А. Половцы. М., 2010. С. 79.

¹⁷ Сытый Ю.Н. Ковуи на Черниговском Задесенье // Гістарычна-археалагічны зборнік. № 8. Минск, 1996. С. 217–219; Моргунов Ю.Ю. Еще раз о «Переяславских торках» // РА. № 1. 2000; Коваленко В.П., Ситий Ю.М. «Своі погани» чернигівських князів // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII–X ст. Київ, 2004. С. 121–138; Расовский Д.А. Половцы. Черные клобуки: печенеги, торки и берендеи на Руси и в Венгрии. М., 2012. С. 19–112; Комар А.В., Борисов А.В. «Свои поганые» Киевской земли: этапы заселения и ландшафтно-географическая ниша кочевников в земледельческом обществе // Strtum plus. 2021. № 5. С. 15–39.

состепного порубежья южнорусских княжеств с условием несения пограничной службы. Характерно, что укрепленные стационарные населенные пункты «черных клобуков» зачастую располагались среди поселенческих комплексов славянского земледельческого населения, что естественным образом способствовало активизации этнокультурных и хозяйственно-экономических контактов. В частности, локализация древнерусских погребальных комплексов в непосредственной близости от кочевнических некрополей (а иногда и на общих могильниках) в Поросье, а также материальная культура населения районов лесостепного пограничья Чернигово-Северской земли и переяславского Посулья свидетельствует о теснейших контактах славянского населения с союзными кочевниками¹⁸.

На протяжении длительного времени оценка русско-половецких контактов в отечественной исторической науке базировалась исключительно на сообщениях летописей и других древнерусских нарративных источников, дававших крайне субъективный образ степняков в контексте продол-

¹⁸ *Моця А.П.* Южная «Русская земля». Киев, 2008. С. 71; *Дьяченко А.Г.* Древнерусское Харьковское городище и «жилой город» Харьков середины XVII в. (к проблеме исторической преемственности в процессе возрождения восточнославянских городов эпохи позднего Средневековья) // Археология Юго-Востока Руси: Мат-лы IV науч. конф. Елец, 2006. С. 72; *Данилевич В.Е.* Донецкое городище и город Донец // АЛЮР. 1904. № 4–5. С. 10; *Шинаков Е.А.* «Восточные территории» Древней Руси в конце X – начале XIII в. (этнокультурный аспект) // Археология славянского Юго-Востока: Мат-лы к межвузовской науч. конф. Воронеж, 1991. С. 88–89.

жительных военных конфликтов южнорусских княжеств с племенными объединениями половцев западной части Дешт-и-Кыпчака, а также библейской традиции изображения кочевых племен Востока как «безбожных» потомков Агари и Измаила¹⁹. Вместе с тем отношения полиэтничного населения пограничных со Степью регионов Южной Руси с половецкими родовыми общинами имели значительную вариативность, не позволяющую оценивать русско-половецкое взаимодействие исключительно с позиций военного противостояния.

В период, предшествующий монгольскому нашествию (конец XII – первая треть XIII в.), военная угроза со стороны западнокыпчакских племенных объединений для земледельческого населения районов южнорусского лесостепного пограничья становится незначительной. С конца XII столетия летописи не фиксируют сколько-нибудь значительных набегов со стороны днепровских и донских половцев на земли Южной Руси, за исключением участия отрядов наемных кочевников в междоусобных войнах русских князей²⁰.

¹⁹ Чекин Л.С. «Безбожные сыны Измаиловы»: Половцы и другие народы степи в древнерусской книжной культуре // Из истории русской культуры. М.: Языки русской культуры. Т. I. Древняя Русь. 2000. С. 691–717; Долгов В.В. Обретение этнокультурных ориентиров: «свои-чужие» // Долгов В.В., Котляров Д.А., Кривошеев Ю.В., Пузанов В.В. Формирование российской государственности: разнообразие взаимодействий «центр-периферия» (этнокультурный и социально-политический аспекты). Екатеринбург, 2003. С. 204.

²⁰ Плетнева С.А. Указ. соч. С. 180–181; Цыбин М.В. Древнерусско-половецкое пограничье второй половины XII–XIV вв. в Подонье // Археология и история

К этому же времени относятся и сохранившиеся в источниках сообщения о совместных (русско-половецких) военных мероприятиях, направленных против экспансии в Северное Причерноморье третьих стран (Румского султаната, Монгольской империи)²¹. Прямым следствием снижения уровня военной конфронтации становится интенсификация экономических, политических и этнокультурных контактов южнорусских княжеств с половецкими племенными союзами, кочевавшими в степной зоне Днепровско-Донского и Днестровско-Днепровского водоразделов. Данный процесс сопровождался активным хозяйственным освоением лесостепных районов русско-половецкого пограничья как славянскими земледельческими общинами, так и отдельными группами западно-кыпчакских кочевников-скотоводов²².

Юго-Востока Древней Руси: Мат-лы науч. конф. Воронеж, 1993. С. 121; Головки А.Б. Половецкий фактор в политической жизни Юго-Западной Руси (вторая половина XII – первая половина XIII в.) // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2016. Вып. 5. С. 260–272.

²¹ Якубовский А.Ю. Рассказ Ибн-ал-Биби о походе малоазийских турок на Суздак, половцев и русских в начале XIII в. (черты из торговой жизни половецких степей) // Византийский временник. 1928. Т. 25. С. 53–76; ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. СПб., 1908. ПСРЛ. Т. III. Новгородская первая летопись старшего извода. М.; Л., 1950. С. 64.

²² Цыбин М.В. Древнерусско-половецкое пограничье второй половины XII–XIV вв. в Подонье // Археология и история Юго-Востока Древней Руси. Воронеж, 1993; Тропин Н.А. Сельские поселения XII–XV веков южных территорий Рязанской земли. Воронеж, 2004. С. 190; Князький И.О. Славяне, волохи и кочевники Днестровско-Карпатских земель. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1990. С. 10.

В результате монгольского нашествия и последовавшим за этим становлением административно-территориальной структуры Золотоордынского государства ряд регионов южнорусского лесостепного пограничья входят в состав ордынских улусов, продолжая оставаться зоной совместного хозяйственного использования как кочевым, так и оседлым населением.

В последнее время тема изучения специфики исторического развития отдельных пограничных регионов средневековой Руси привлекает все большее внимание российских и белорусских исследователей²³. Вместе с тем отсутствие к настоящему времени работ, посвященных комплексному изучению истории регионов южнорусского лесостепного пограничья в ордынскую эпоху, обуславливает актуальность представляемого исследования.

²³ *Амелькин А.О., Селезнев Ю.В.* Центрально-Черноземный край в русско-ордынском пограничье (в конце XIV – начале XV века) // Труды первого всероссийского съезда историков-регионоведов. Т. II. СПб., 2010; *Рахимзянов Б.Р.* К вопросу о «буферных зонах» во взаимоотношениях поздней Золотой Орды и северо-восточных княжеств // Средневековые тюркско-татарские государства. 2010. № 2. С. 91–95; *Нолев Е.В.* На северо-западных рубежах Монгольской империи: русско-ордынское пограничье // Власть. Т. 25. 2017. № 9. С. 167–172; *Кибинь А.С.* От Ятвязи до Литвы. Русское пограничье с ятвягами и литвой в XXIII веках. М., 2014; *Темущев В.Н.* Русско-литовское пограничье. Гомельская земля в конце XV – первой половине XVI в. М., 2018; *Слядзь А.Н.* Византийско-русское пограничье в XI–XII вв. Взаимодействие в Приазовье и Крыму. СПб., 2019; *Воробьева Е.Е., Федулов М.И.* К вопросу о русско-ордынском пограничье в Марийско-Чувашском Поволжье // Генуэзская Газария и Золотая Орда. Т. 2. Казань; Кишинев, 2019. С. 289–295.

Автор выражает глубокую признательность всем коллегам, благодаря помощи которых данная работа, родившись из первоначальной идеи, приобрела характер научной монографии. Прежде всего, хотелось бы выразить благодарность своему наставнику, д. и. н., профессору Николаю Александровичу Тропину. Также следует отметить то значительное влияние, которое своими замечаниями и конструктивной критикой оказали на качество исследования д. и. н. Юрий Васильевич Селезнев, д. и. н.

Илья Владимирович Зайцев и к. и. н. Денис Николаевич Маслюженко. Отдельные благодарности автор выражает к. и. н., руководителю Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств Института истории им. Ш. Марджани АН РТ Ильнуру Мидхатовичу Миргалееву, а также к. и. н., ученому секретарю Болгарской исламской академии, заместителю руководителя Центра межрелигиозного диалога Тэймуру Рустэмовичу Галимову и Роману Хаутале Ph.D.

(история) за неоценимую помощь в редакции, переводах и публикации работ по теме исследования.

Глава 1

История изучения вопроса, терминология и источники

§ 1.1. Терминологические аспекты исследования

Основной исследовательской проблемой представляемой работы является отсутствие к настоящему времени научно обоснованного термина «русско-ордынское пограничье», рассматриваемого в контексте «теории фронта» и концепции «контактных зон». Данная проблема обусловлена как состоянием письменных источников, содержащих относительно скудную информацию по этому вопросу, так и устоявшимся в научной среде представлением о границе как о четкой демаркационной линии, разделяющей независимые друг от друга государства. В силу указанных обстоятельств большинство исследователей не обращали внимания на специфику формирования русско-ордынской пограничной зоны в административно-территориальной системе Монгольской империи и Улуса Джучи как государств имперского типа либо рассматривали историю регионов южнорусского Подсте-

пья в контексте военного противостояния между русскими княжествами и Ордой.

Поднимая проблему «пограничной» терминологии, прежде всего следует отметить, что, несмотря на включение земель Северо-Восточной, Южной и Юго-Западной Руси в государственную систему *Yeke Mongyol Ulus*, большая часть русских княжеств сохранила административно-политическую автономию и территориальную структуру, что, в свою очередь, обусловило наличие внутри административных границ и пограничных зон, отделявших собственно ордынские кочевья от густозаселенных земледельческих областей Руси.

Отрывочные сообщения о наличии границ между русскими землями и территорией ордынских улусов содержатся в записках европейских путешественников и дипломатов XIII в. В частности, венецианец Марко Поло, вероятно основываясь на информации, полученной от отца (Николая Поло) и дяди (Матфея Поло), проживавших около года во владениях Джучидов²⁴, отмечал наличие на «границах Руссии» «...множества укрепленных ущелий и проходов» («*maintes fors entrec e fors pas*»)²⁵. Учитывая отсутствие на территории большинства русских княжеств (за исключением районов Галицко-Волынского Прикарпатья) значительных горных массивов, под терминами «ущелья» и «проходы», по

²⁴ *Марко Поло. Книга о разнообразии мира.* СПб., 2018. С. 67.

²⁵ Там же. С. 327, 525.

всей вероятности, следует понимать труднопроходимую для степняков залесенную балочно-овражистую местность, по которой, на некоторых участках, могла проходить условная (без демаркации) граница русских княжеств с улусными владениями кочевой аристократии.

В свою очередь, посланник французского короля Гильом де Рубрук, описывая свой проезд по землям Улуса Джучи, указывал, что в Донском Правобережье территория ордынских кочевий отделялась от русских земель «большим лесом», являвшимся естественным ландшафтно-географическим рубежом, выше которого «...татары не поднимаются в северном направлении, так как в то время, около начала августа, они начинают возвращаться к югу...»²⁶.

Исходя из вышеприведенных сообщений источников, можно сделать вывод о том, что русско-ордынская пограничная зона представляла из себя типичный для эпохи Средневековья историко-географический феномен, обозначаемый в исторических исследованиях термином *Limites naturales* («естественная граница»), то есть границу, проходившую по географическим маркерам, на стыке лесной и лесостепной ландшафтных зон²⁷. При этом в территориальную структуру Улуса Джучи был включен и ряд районов южнорусской ле-

²⁶ Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Гильома Рубрука. М., 1957. С. 109–110.

²⁷ Ходарковский М. Степные рубежи России: как создавалась колониальная империя. М., 2019. С. 77.

состепной полосы, в домонгольскую эпоху являвшихся пограничной периферией южнорусских княжеств.

Таким образом, под **русско-ордынским пограничьем** следует понимать ряд регионов южнорусской лесостепи, непосредственно примыкавших к линии «естественной границы» между территорией ордынских кочевий и располагавшимися в лесной ландшафтной зоне землями русских княжеств, находившихся в политической зависимости от Золотоордынского государства.

Аналогами понятия «пограничье» в западной исторической науке являются термины *frontier*, *borderland* и *borderscapes*. Под данными обозначениями, как правило, понимается пограничная зона (пространство), расположенная вдоль условной линии разграничения между государствами или этническими сообществами²⁸.

Термин «фронтир» (от *англ.* *frontier* – граница, рубеж) в концептуальном представлении Ф.Дж. Тернера (основоположника «теории фронта» как историко-географического феномена) обозначал приграничную полосу либо область «свободных земель» во внутренних районах Североамериканского континента, которая осваивалась переселенцами – «пионерами» и постепенно перемещалась в ходе территориальной экспансии на Запад, достигнув к концу XIX в. Тихо-

²⁸ Панарина Д.С. Граница и фронтир как фактор развития региона и/или страны // История и современность. 2015. № 1. С. 15–41; Петер У., Троцкий С. Сложность границ: постановка проблемы, терминология и классификация // Журнал фронтирных исследований. 2019. № 4.2. С. 234–256.

океанского побережья²⁹. Следует отметить, что Ф.Дж. Тернер особо подчеркивал принципиальное отличие американского фронта от европейского, представлявшего собой, по мнению исследователя, укрепленные пограничные линии, проходящие через густонаселенные местности³⁰.

На протяжении XX в., а также в последние десятилетия тема фронтирных исследований получает широкое распространение в западной историографии и выходит не только за пределы истории США, но и истории Нового времени. В работах ученых, посвященных данной тематике, начинают рассматриваться вопросы специфики исторического развития пограничных регионов Античности и Средневековья, располагавшихся в зоне соприкосновения различных этнических групп, государств и цивилизационных формаций³¹.

²⁹ Тернер Ф.Дж. Фронт в американской истории. М., 2009. С. 6–7, 16–18.

³⁰ Там же. С. 14.

³¹ McNeill W. *Europe's Steppe Frontier*. Chicago, 1964; Christiansen E. *The Northern Crusades: The Baltic and the Catholic Frontier, 1100–1525*. L., 1980; Whittaker C.R. *Frontiers of the Roman Empire: A Social and Economic Study*. Baltimore, 1994. P. 110–127; Ostrowski D. *Muscovy and the Mongols: Cross-Cultural influences on the Steppe Frontier, 1304–1589*. Cambridge, 1998; Hopwood K. *The Byzantine-Turkish Frontier c. 1250–1300* // *Acta Viennensia Ottomanica: Akten des 13. CIEPO-Symposiums*. Wien, 1999. P. 153–161; *Medieval Frontiers: Concepts and Practices / Selected papers of a colloquium held Nov 1998 at St. Catherine's College, Cambridge*, 2002; Khodorkovskiy M. *Russian Steppe Frontier: The Making of a Colonial Empire, 1500–1800*. Bloomington, 2002; Stepenson P. *Byzantium's Balkan Frontier (A Political Study of the Northern Balkans, 900–1204)*. Cambridge University Press, 2004; Mykhaylovskiy V. *European expansion and the contested borderlands of late medieval Podillya, Ukraine*. Amsterdam, 2019; Haug R. *The Eastern Frontier. Limits or empire*

К настоящему времени понятие пограничного (фронтирного) пространства также включает в себя определение имперской периферии, и/или пограничной территории между государствами или этническими группами, принадлежащими к разным цивилизационным типам. Как правило, пограничные (фронтирные) регионы представляли собой зоны интенсивных этнокультурных и экономических контактов³².

В отечественной историографии попытки сформулировать отличительные признаки фронтирной территории (пространства) наиболее полно представлены в работах И.П. Басалаевой и О.В. Скобелкина. В частности, И.П. Басалаева, отмечая отсутствие четких критериев фронта в российской исторической науке, тем не менее выделяет несколько специфических признаков фронтирного пространства:

1. Маргинальное («окраинное», «украинное») географическое расположение территории фронта.
2. Отсутствие четких границ, как государственных, так и внутренних.
3. Наличие естественных пограничных рубежей (рек, гор, лесных массивов, пустынь), зонировующих пространство фронта.
4. Этнокультурная неоднородность, а также гендерные и численные диспропорции различных групп населения фронтирных регионов.

in Late antiqua and early medieval Central asia. University of Cincinnati, 2019.

³² Панарина Д.С. Указ. соч. С. 17.

5. Центрирование фронтальной зоны очагами городской жизни.
6. Колониальный статус пограничной территории.
7. Номинальный характер государственной власти.
8. Отличная от метрополии система управления регионами фронта.
9. Более высокая, чем в метрополии, степень горизонтальной и вертикальной мобильности населения³³.

Несколько иной подход к определению признаков фронта прослеживается в исследовании О.В. Скобелкина. По мнению историка, под фронтом следует понимать территорию на окраине государства, которая возникает и существует при наличии следующих условий и признаков:

1. Отсутствия на сопредельной территории государства соседа (то есть сопредельная территория не является чьей-то государственной территорией). При этом она может восприниматься отдельными государствами как часть их государственной территории.
2. Отсутствия демаркационных линий и условности границы, вдоль которой формируется фронт.
3. Наличия на сопредельной территории населения, принадлежащего к другому цивилизационному типу, находящемуся на догосударственной стадии социального развития и/или более низкой стадии развития техники и технологии.

³³ Басалаева И.П. Критерии фронта: к постановке проблемы // Теория и практика общественного развития. 2012. № 2. С. 46–49.

4. Вследствие отсутствия четко определенной границы и военно-технической слабости населения сопредельной территории данная территория постепенно захватывается соседним государством, условная граница государства постепенно отодвигается и вместе с ней движется и фронтир.

5. Наличия постоянной военной опасности.

6. Фронтирные регионы являются территорией колонизации и активного хозяйственно-экономического освоения. При этом характер хозяйственной деятельности поселенцев принципиально отличается от таковой у аборигенов³⁴.

На взгляд автора работы, некоторые из признаков вышеприведенных определений фронтирного пространства нуждаются в уточнении и корректировке. Так, указанное И.П. Басалаевой в качестве обязательного признака фронта наличие естественных природных рубежей не всегда соответствует историческим реалиям развития граничивших со Степью территорий Южной Руси в период Средневековья и Нового времени. Именно отсутствие естественных преград (больших рек, горных хребтов, пустынь) определило необходимость строительства на южнорусском лесостепном пограничье Киевской державы, а позднее Московского царства и Российской империи укрепленных линий и засечных черт, представлявших собой комплекс инженерно-полевых соору-

³⁴ Скобелкин О.В. Южный фронт России на рубеже 60— 70-х гг. XVI в // Вестник ТГУ. Вып. 10 (126), 2013. С. 44–45; Мизис Ю.А., Скобелкин О.В., Панков А.И. Теория фронта и юг России в XVI – первой половине XVIII в. // Вестник ТГУ. Т. 20. Вып. 10. 2015. С. 11.

жений, возведенных с учетом наличных условий природного ландшафта.

Не вполне обоснованным представляется и тезис О.В. Скобелкина о принципиальных отличиях хозяйственной деятельности поселенцев фронта от автохтонного (коренного) населения осваиваемой территории. В частности, тип хозяйственной деятельности трапперов и фермеров американских колоний Британской империи (впоследствии САСШ) был в значительной степени идентичен роду занятий оседлых индейских племен Новой Англии, области Великих озер, долины Огайо и некоторых других регионов Вудленда (Woodland)³⁵. Более того, именно идентичность хозяйственно-экономического уклада европейских переселенцев и аборигенов во многом определяла сущность конфликтов за контроль над колонизируемыми землями³⁶.

Аналогичная ситуация прослеживается и в пограничных со Степью регионах ВКЛ (позднее Речи Посполитой), а также на фронтальных территориях Российского государства, значительную часть населения которых составляли субэтнические военизированные сообщества днепровских, донских, терских, черноморских (кубанских), уральских (яиц-

³⁵ Тернер Ф.Дж. Указ. соч. С. 15, 26; Александров Г.В. Эволюция взаимоотношений колонистов и коренного населения в Новой Англии в 1620–1676 гг. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2016. С. 57–58, 119, 121; Axtell J. The Invasion Within: The Contest of cultures in Colonial North America. N. Y. Oxford University Press, 1985. P. 62.

³⁶ Александров Г.В. Указ. соч. С. 225–227.

ких), оренбургских, семиреченских и забайкальских казаков, а также черниговских севрюков. Хозяйственно-бытовой уклад вышеперечисленных полиэтнических сообществ, имевших в своем составе значительное число представителей коренного населения пограничных регионов, сочетал в себе многие черты хозяйственной деятельности аборигенов Степи, Северного Кавказа, Сибири и Дальнего Востока³⁷. Как отмечают исследователи «Сибирского фронта» Д.Я. Резун и М.В. Шиловский, фронт России Российского государства в XVI–XIX вв. являлся областью взаимодействия между русским и местным населением не только по линии военно-политических и культурных, но и хозяйственно-экономических контактов³⁸.

В силу специфики административного устройства кочевнических объединений имперского типа их границы с сосед-

³⁷ Черницын С.В. Донские татары – мусульманская группа донского казачества. Этапы и тенденции этнической истории // Казачество в тюркском и славянском мирах. Казань, 2018. С. 282–298; Дубовиков А.М. Тюркский элемент в истории Уральского (Яицкого) казачьего войска // Казачество в тюркском и славянском мирах. Казань, 2018. С. 298–309; Аминов Р.Р., Годова Е.В., Загидуллин И.К., Халиков Н.А. Татары-казаки в составе Оренбургского войска // Казачество в тюркском и славянском мирах. Казань, 2018. С. 309–326; Тьминских З.А. Татары-казаки Западной Сибири // Казачество в тюркском и славянском мирах. Казань, 2018. С. 326–360; Грибовский В.В. Инфильтрация ногайцев в состав Черноморского казачьего войска // Казачество в тюркском и славянском мирах. Казань, 2018. С. 380–391.

³⁸ Резун Д.Я., Шиловский М.В. Сибирь, конец XVI – начало XX в.: фронт в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. Новосибирск, 2005. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sibistorik.narod.ru>

ними земледельческими государствами в большинстве случаев не имели четкой демаркации, что тем не менее не означало отсутствия государственной принадлежности пограничных территорий со стороны Степи. Вместе с тем смешанный тип хозяйственно-экономического уклада, а также административно-территориальная и этнополитическая структура кочевнических «империй», возникавших в западной части евразийской степной зоны (Аварский каганат, Хазарский каганат, Золотая Орда), допускает наличие у этих государств своих фронтирных регионов с определенной спецификой развития.

По сложившейся в отечественной историографии традиции, основные направления изучения южнорусского фронта ограничиваются хронологическими рамками XVIII в. В то же время американский историк О. Латимор, в контексте традиционного для западной науки определения фронта как имперской периферии и/или пограничной территории, принадлежащих к разным цивилизационным типам, предлагал рассматривать Южную Русь как исторический феномен развития фронтирного (пограничного) пространства на протяжении всей эпохи Средневековья³⁹. Отмечая специфику развития пограничных территорий как «контактных зон», исследователь подчеркивал, что граница между государствами и этническими общностями представ-

³⁹ Latimor O. The Nomads and South Russia // *Archeion Ponton*. 1979. Vol. 35. P. 193–200.

ляет собой не линию раздела, а зону, «...вокруг которой люди, идеи и организации взаимодействуют в обоих направлениях»⁴⁰.

Аналогичная оценка фронтирных территорий содержится в работе российского историка А.А. Андреевой, отмечающей тот факт, что благодаря современным исследованиям термин «фронтир» стал рассматриваться как контактная диалоговая зона встреч различных культур, включающая в себя не только историко-географические и хозяйственно-экономические, но также социально-культурологические и ментальные аспекты⁴¹.

По мнению Майкла Ходарковского, средневековая Россия представляла из себя типичное общество фронта, где легко проницаемые пограничные зоны вкупе с недостаточно четко определенными политическими и территориальными границами служили приглашением к постоянной экспансии⁴². Данный подход представляется вполне обоснованным, учитывая специфику развития южнорусских земель в период так называемого раннего Средневековья и открывает ряд перспективных направлений в исследованиях регионов южнорусской лесостепи.

⁴⁰ *Lattimore O.* Inner Asian Frontiers of China. Boston, 1962; *Он же.* Studies in Frontier History. Collected Papers 1928–1958. London, 1962.

⁴¹ *Андреева А.А.* «Калмыцкий фронтир»: к типологии фронтирной теории // Вестник Калмыцкого университета. 2016. № 4 (32). С. 131.

⁴² *Ходарковский М.* Степные рубежи России. Как создавалась колониальная империя. 1500–1800. М., 2019. С. 9.

В представляемом исследовании автор использует термин «фронтир» в значении пограничной периферии государств имперского типа, расположенной на стыке природно-ландшафтных зон и хозяйственных укладов, вследствие чего данные территории являлись зонами активных хозяйственно-экономических, этнокультурных и политико-административных контактов.

В советской исторической науке гипотеза о формировании контактных зон на территориях природных ландшафтов смешанного типа впервые была выдвинута Л.Н. Гумилевым, отметившим, что именно в лесостепных регионах Евразийского континента имелись оптимальные условия для становления культуры и процветания хозяйства⁴³. Вместе с тем приходится констатировать, что тема этнокультурных и экономических контактов между кочевниками и оседлым населением на территории лесостепных регионов Восточной Европы в ордынскую эпоху не получила должного развития в работах советских историков.

Тем не менее сам термин «контактная зона» был введен в научный оборот известным советским византиевистом В.Д. Королюком в 70-х гг. XX в.⁴⁴ По оценке исследователя, кон-

⁴³ Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 2002. С. 438.

⁴⁴ Королюк В.Д. О так называемой «контактной» зоне в Юго-Восточной и Центральной Европе периода раннего Средневековья // Юго-Восточная Европа в Средние века. Кишинев, 1972. С. 31–46; Он же. Основные проблемы формирования контактной зоны в Юго-Восточной Европе и бессинтезного региона в Восточной и Центральной Европе // Проблемы социально-экономических форма-

тактной зоной является любая пограничная с «варварской» периферией территория государства имперского типа (например – Дунайский лимес Византии), имеющая полиэтничное население.

Несколько иной подход в определении «контактной зоны» представлен в работах В.А. Арутюновой-Фиданян. По мнению историка, контактная зона – это не просто территория с полиэтничным населением, разделенная на отдельные географические анклав, а структура, имеющая особый культурный облик. Контактные зоны образуются на лимитрофных территориях (буферных зонах) только в том случае, когда образуют синтезное культурное пространство, состоящее из феноменов, образовавшихся в результате взаимодействия нескольких национальных культур⁴⁵.

В частности, на восточной периферии Византийской империи такими контактными зонами являлись северо-восточные регионы Ромейской державы (Восточный Понт и предгорья Южного Кавказа), а также акритские лимитрофные территории византийско-арабского и византийско-сельджукского пограничья, с неустойчивыми, проницаемыми границами, полиэтничным населением и сложившейся традицией этнокультурных и хозяйственно-экономических контак-

ций. Историко-типологические исследования. М., 1975. С. 158–184.

⁴⁵ Арутюнова-Фиданян В.А. Византия и Армения в XXII вв.: зона контакта // Византия между Западом и Востоком. Опыт исторической характеристики. М., 2001. С. 380.

В европейской и американской историографии преобладающей является точка зрения о возникновении первых контактных зон в эпоху поздней Античности, на территориях, непосредственно примыкавших к Рейнскому и Дунайскому лимесам Римской империи. Согласно данным археологических исследований, в результате продолжительных этнокультурных и экономических контактов, происходивших в пограничных регионах *Paes Romanica*, сформировалась синтезная материальная культура лимеса, включавшая в себя как римские, так и «варварские» (германские, фракийские, сарматские и др.) элементы⁴⁷.

Не вызывает сомнений существование контактных зон и на обширных пространствах Евразийского континента в эпоху так называемого Монгольского мира (*Paes Mongolica*). Административно-территориальная структура Чингизидских государств, вкупе с бурным развитием торговых коммуникаций, способствовала появлению зон межэтнического взаимодействия, располагавшихся, как правило, на периферии Монгольской ойкумены, или на путях прохождения между-

⁴⁶ Карнов С.П. История Трапезундской империи. СПб., 2007. С. 88, 115; Арutyunova-Фиданян В.А. Указ. соч. С. 380–389; Шукуров Р.М. Тюрки в византийском мире (1204–1461). М., 2017. С. 137.

⁴⁷ Birley R. *Vindolanda A Roman Frontier Post of Hadrian's Wall*. L., 1977. P. 9, 13; Whittaker C.R. *Frontiers of the Roman Empire: A Social and Economic Study*. Baltimore, 1994. P. 110–127; Колосовская Ю.К. Рим и мир племен на Дунае. I–IV вв. н. э. М., 2000. С. 165, 169, 173, 175–176, 178, 180–181, 185.

народных торговых маршрутов. В XIII–XIV вв. формируется ряд контактных зон на территории Улуса Джучи, прежде всего в городских торгово-ремесленных агломерациях Поволжья, Крыма, Северо-Восточном Причерноморье и Приазовье, а также на северной, лесостепной периферии Золотоордынского государства⁴⁸.

Согласно гипотезе американского историка Чарльза Гальперина, именно на эпоху ордынской зависимости приходится окончательное формирование на южных границах Руси этнорелигиозной контактной зоны, возникшей еще в домонгольское время⁴⁹.

Аналогичная точка зрения присутствует в работе украинского археолога и историка В.В. Колоды, характеризующе-

⁴⁸ Из «Подарка наблюдателям по части диких стран и чудес путешествий» Ибн Баттуты // Становление и расцвет Золотой Орды. Источники по истории Улуса Джучи (1266–1359 гг.). Казань, 2011. С. 171; Крамаровский М.Г. Человек средневековой улицы. Золотая Орда. Византия, Италия. СПб., 2011. С. 122–139; Он же. О христианских конфессиях Солхата в XIII–XIV вв. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. XXII. Симферополь, 2017. С. 399–411; Кубанкин Д.А. Русская община золотоордынского города Укека // Поволжская археология. 2012. № 1. С. 172–188; Маслюженко Д.Н. Этнополитическая история лесостепного Притобольшья в Средние века. Курган, 2008. С. 34–35; Миргалеев И.М. Тюрко-угорская контактная зона в Западном Приуралье: проблема иштяков // Иштяки: приуральско-сибирское пограничье. Казань, 2019. С. 8–9; Хот-ко С.Х. Генезис адыгского (черкесского) этнополитического пространства в XIII–XVI вв.: проблемы и перспективы исследования. Дис. ... д-ра ист. наук. Майкоп, 2017. С. 128–151, 227–252.

⁴⁹ Гальперин Ч. Татарское иго: образ монголов в средневековой России. Воронеж, 2012. С. 18, 205.

го лесостепные регионы Днепровско-Донского водораздела как территорию оживленных этнокультурных и экономических контактов между восточнославянскими (южнорусскими) земледельческими общинами и тюркоязычными кочевниками Великой степи на протяжении всей эпохи раннего Средневековья (VIII–XIV вв.), включая период ордынского владычества⁵⁰. В работах известного молдавского историка Н.Д. Русева регион Днестровско-Дунайского междуречья обозначается как контактная зона пересечения коммерческих интересов Востока и Запада⁵¹.

Таким образом, под термином «контактная зона» следует понимать территорию интенсивного хозяйственно-экономического и культурного взаимодействия двух и более этносов или этнических групп, происходившего в течение продолжительного времени (жизни нескольких поколений). Зачастую такое взаимодействие приводило к возникновению новых народов или субэтнических групп (акриты на азиатском лимесе Византийской империи, секеи Венгерского королевства, караны восточного пограничья государства Иль-

⁵⁰ Колода В.В. Картографирование средневековых городищ Днепро-Донского междуречья как метод определения этапов славяно-кочевнических отношений // Древности 2010. Харьковский историко-археологический ежегодник. Вып. 9. С. 178–198.

⁵¹ Русев Н.Д. На грани миров и эпох. Города низовий Дуная и Днестра в конце XIII–XIV вв. Кишинев, 1999; Он же. Карпато-Дунайские земли в эпоху Джучидов: некоторые соображения и неисчислимые «Пути взоров» // Stratum plus: Archaeology and Cultural Antropology. 2016. № 6. С. 165–181.

ханов, чараймаки и хазарейцы чагатайско-хулагуидского по-
рубжья, казаки и севрюки южнорусского лесостепного по-
граничья).

Возникновение такого рода зон, как правило, тесно связа-
но с существованием и деятельностью на этих территориях
носителей открытых культур и имперской структуры управ-
ления, обеспечивающей отсутствие длительных конфликтов
по национальному и конфессиональному признаку.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том,
что термины «русско-ордынское пограничье», «фронтир» и
«контактная зона» являются взаимодополняющими, частич-
но синонимичными и не вызывают смысловых противоре-
чий при их совместном использовании.

Помимо рассмотренных терминологических аспектов ис-
следования, представляется целесообразным обратить вни-
мание на разницу терминов, используемых в научных иссле-
дованиях для обозначения Джучидского государства.

Если для дореволюционного и советского периодов разви-
тия отечественной исторической науки характерно абсолют-
ное преобладание термина «Золотая Орда»⁵², то в постсо-

⁵² *Hammer-Purgstall J.* Geschichte der Goldenen Horde in Kiptschak; das der Mongolen in Russland. Pesth: C.A. Hartleben, 1840; *Тизенгаузен В.Г.* Сборник ма-
териалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб., 1884; *Веселовский Н.И.*
Хан из темников Золотой Орды. Ногай и его время. Пг., 1922; *Греков Б.Д., Яку-
бовский А.Ю.* Золотая Орда и ее падение. М., 1950; *Сафаргалиев М.Г.* Распад
Золотой Орды. Саранск, 1960; *Федоров-Давыдов Г.А.* Общественный строй Зо-
лотой Орды. М., 1973; *Егоров В.Л.* Историческая география Золотой Орды. М.,
1985.

ветскую эпоху, в условиях становления национальных научных школ, появляется вариативность обозначений владений Джучидов⁵³. Данное обстоятельство ставит вопрос об обоснованности государственных терминов, использующихся историками в исследованиях, посвященных теме русско-ордынских отношений.

Рассматривая вышеобозначенную проблему, прежде всего следует отметить, что преобладающий в древнерусских летописных источниках XIV–XV вв. термин «Орда» в большинстве случаев использовался как обозначение ханской кочевой ставки («большой орды», ордубазара)⁵⁴, и не имел конкретной территориальной привязки. По всей вероятности, аналогичное значение имели и присутствующие в русских нарративных источниках более позднего времени названия «именных» ставок отдельных джучидских ханов или беклярбеков («Мурутова Орда», «Ахматова Орда», «Мамаева Ор-

⁵³ Хафизов Г.Г. Распад Монгольской империи и образование Улуса Джучи. Казань, 2000; Горский А.А. Москва и Орда. М., 2000; Миргалеев И.М. Политическая история Золотой Орды периода правления Токтамыш-хана. Казань, 2003; Крамаровский М.Г. Золотая Орда. История и культура. СПб., 2005; Селезнев Ю.В. Русские князья в политической системе Улуса Джучи. Воронеж, 2017; Ускенбай К.З. Восточный Дашт-и-Кыпчак в XIII – начале XV века. Проблемы этнополитической истории Улуса Джучи. Казань, 2013; Черкас Б.В. Західні володіння Улусу Джучи XIII–XIV ст.: суспільно-політичний та економічний розвиток. Київ, 2015.

⁵⁴ Из «Подарка наблюдателям по части диковин стран и чудес путешествий» Ибн Баттуты // Становление и расцвет Золотой Орды. Источники по истории Улуса Джучи (1266–1359 гг.). Казань, 2011. С. 159.

да»)⁵⁵. Вместе с тем в более поздней русской летописной и историко-литературной традиции отмечается употребление термина «Орда» в качестве географического обозначения определенной территории («Синяя Орда», «Заяицкая Орда», «Орда Залесская»)⁵⁶.

Согласно гипотезе В.П. Юдина, появление на Руси «золотордынской» политической терминологии имеет достаточно раннее происхождение, являясь, по мнению исследователя, отражением визуальных впечатлений представителей правящей элиты русских княжеств, сложившихся в результате посещений ставок правителей Джучидского государства⁵⁷. Источниковым базисом представленной гипотезы известного советского востоковеда является ряд сообщений Мухаммада ибн Баттуты, посетившего в 1334 г. как кочевую ставку хана Узбека, так и столицу Улуса Джучи – Сарай. По описаниям марокканского путешественника, парадная юрта ордынского правителя носила название «золотого шатра» (орды)⁵⁸. Аналогичное («золотое») обозначение имел и стащи-

⁵⁵ ПСРЛ. Т. XXV. Московский летописный свод конца XV в. М., 1949. С. 182, 302–303; Устюжский летописный свод (Архангелогородский летописец). М.; Л., 1950. С. 93–94.

⁵⁶ ПСРЛ. Т. XI. Никоновская летопись. М., 1965. С. 69, 172; Задонщина // Памятники общественной мысли Древней Руси: В 3 т. Т. 2. Период ордынского владычества. М., 2010. С. 85–86.

⁵⁷ Юдин В.П. Орды: Белая, Синяя, Серая, Золотая... // Утемиш-хаджи. Чингиз-наме. Алма-Ата, 1992. С. 32–33.

⁵⁸ Из «Подарка наблюдателям по части диких стран и чудес путешествий» Ибн Баттуты // Становление и расцвет Золотой Орды. Источники по истории

онарный дворец Узбека в Сарае⁵⁹. Впечатление «золотого» сооружения производила также располагавшаяся в ханской ставке передвижная «палата» для проведения судебных разбирательств (барака)⁶⁰.

Наличие подобных архитектурных шедевров, являвшихся материальными символами власти Джучидов, не могло не оставить следа в политическом лексиконе государств, имевших интенсивные дипломатические контакты с правителями Улуса Джучи. В частности, согласно сведениям Е.И. Кычанова, в китайских исторических хрониках, относящихся к периоду династии Юань, владения Джучидов обозначались термином «Цзинь чжан хань» или «Цзинь чжан го» («Государство золотой юрты»)⁶¹. Вместе с тем следует отметить полное отсутствие упоминаний «золотых» орд и иных дворцовых сооружений джучидских правителей в русских письменных источниках XIV–XV вв., равно как и обозначения ханских владений термином «Золотая Орда». Данное обстоятельство ставит под сомнение тезис о раннем появлении данного термина в политическом лексиконе элитных групп древнерусского общества.

В этой связи более вероятной представляется версия об

Улуса Джучи (166—1359 гг.). Казань, 2011. С. 160.

⁵⁹ Там же. С. 171.

⁶⁰ Там же. С. 166–167.

⁶¹ Кычанов Е.И. «История династии Юань» («Юань Ши») о Золотой Орде // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. СПб., 2000. Вып. 19. С. 146–157.

относительно позднем появлении золотоордынской терминологии, заимствованной русскими летописцами из историко-культурной традиции постордынских государственных образований. Несмотря на то что сами «золотые дворцы» джучидских ханов, согласно сообщениям источников, были уничтожены в период «Великой замятни»⁶² и нашествия Тимур-ленга (Тамерлана)⁶³, память об их существовании сохранялась в среде кочевников Дешта на протяжении всей постордынской эпохи. В частности, в «татарском» историческом эпосе (дастане) «Идигей» (появление которого как единого произведения датируется XV–XVI вв.⁶⁴), наряду с прямым обозначением Джучидской державы термином «Золотая Орда»⁶⁵, присутствуют образы «Золотого дворца» и «Золотого чертога» в качестве символов ханской власти и олицетворения ордынской государственности эпохи наивысшего расцвета Улуса Джучи⁶⁶.

Определенная символичность употребления политонимов «Орда» и «Златая Орда» прослеживается и в русских историко-литературных произведениях. Так, автором «Казанской истории» («Казанского летописца», «Истории о Казан-

⁶² *Утемиши-хаджи*. Чингиз-наме. Алма-Ата, 1992. С. 112–113, 53а–54а.

⁶³ Из сочинений Ибн Арабшаха // Золотая Орда в источниках. Т. I. Арабские и персидские сочинения. С. 211.

⁶⁴ *Идигей*. Татарский народный эпос. Казань, 1990. С. 247.

⁶⁵ Там же. С. 340.

⁶⁶ Там же. С. 159.

ском царстве») «золотоордынская» терминология применяется как для обозначения Джучидского государства периода зависимости от него русских княжеств⁶⁷, так и для территории подвластной ханам Большой Орды⁶⁸, а также используется в качестве одного из названий Казанского юрта⁶⁹.

Учитывая факт продолжительного пребывания автора «Казанской истории» «при дворе» казанских ханов⁷⁰, то есть в среде потомков кочевой аристократии и придворных сказителей, являвшихся главными хранителями культурно-исторического наследия золотоордынской эпохи, а также упоминая им работу с казанскими хрониками⁷¹, наиболее вероятной выглядит гипотеза о достаточно позднем (не ранее второй половины XVI в.) лингвистическом заимствовании русскими «книжниками» политонима «Златая Орда» (от *тюрк.* «Алтын Орду») из позднеордынских письменных источников и/или устной исторической традиции и дальнейшем его распространении в русских летописных сводах и историко-литературных произведениях⁷².

⁶⁷ Казанская история // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 10 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=514>).

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Моисеева Г.Н. Автор «Казанской истории» // ТОДРЛ. Т. IX. М.; Л., 1953. С. 279.

⁷¹ Казанская история // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 10 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=5148>).

⁷² ПСРЛ. Т. III. Новгородскія летописи (Такъ названныя Новгородская вторая

В мусульманских письменных источниках XIII–XIV вв. также прослеживается значительное разнообразие терминов, применявшихся составителями исторических хроник и трактатов для обозначения владений потомков Джучи. Их можно разделить на две группы. К первой относятся названия, имеющие скорее этногеографическое, нежели государственное значение (Дешт, Кыпчакское царство, Дешт-и-Кыпчак, Кыпчак)⁷³. Тогда как ко второй группе имеют отношение термины, смысловое наполнение которых носит преимущественно политико-династийный характер («дом Джучи», «престол Джучи»⁷⁴). Исходя из данного обстоятельства можно сделать вывод о том, что этимология термина «Улус Джучи» («Джучи улусы») базируется на многочисленных упоминаниях в аутентичных источниках сына Чингисхана –

и Новгородская третья летописи). СПб., 1879. С. 204; Скифская история. М.: Наука, 1990. С. 8, 26, 27, 31, 39, 45, 113.

⁷³ Из Истории Ибн Халдуна // Становление и расцвет Золотой Орды. Источники по истории Улуса Джучи (166—1359 гг.). Казань, 2011. С. 192; Из «Летописи царств и царей» Ибн алФурата // Становление и расцвет Золотой Орды. Источники по истории Улуса Джучи (166—1359 гг.). Казань, 2011. С. 188; Из летописи Ибн Касира // Становление и расцвет Золотой Орды. Источники по истории Улуса Джучи (166—1359 гг.). Казань, 2011. С. 150; Из сочинения «Пути взоров по государствам с крупными городами» Ибн Фадлаллаха ал-Умари // Становление и расцвет Золотой Орды. Источники по истории Улуса Джучи (166—1359 гг.). Казань, 2011. С. 137.

⁷⁴ Извлечения из «Сборника летописей» Рашид ад-Дина // Становление и расцвет Золотой Орды. Источники по истории Улуса Джучи (166—1359 гг.). Казань, 2011. С. 30; *Тизенгаузен В.Г.* СМИЗО. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884. С. 150.

Джучи (Туши-хана), как первого правителя северо-западного улуса Монгольской империи⁷⁵.

Таким образом, источниковедчески обоснованными являются все вышеперечисленные терминологические обороты (Орда, Золотая Орда, Улус Джучи) присутствующие в современных научных исследованиях. В связи с чем представляется допустимым использование в работе различных обозначений Джучидского государства в целях лексического и стилистического разнообразия.

⁷⁵ Извлечения из «Истории [династии] Юань» («Юань Ши») // Становление и расцвет Золотой Орды. Источники по истории Улуса Джучи (166—1359 гг.). Казань, 2011. С. 22; Из «Истории Вассафа» // Становление и расцвет Золотой Орды. Источники по истории Улуса Джучи (166—1359 гг.). Казань, 2011. С. 59; Из сочинений Хамдаллаха Казвини // Становление и расцвет Золотой Орды. Источники по истории Улуса Джучи (166—1359 гг.). Казань, 2011. С. 66.

§ 1.2. Основные теоретические аспекты изучения темы в отечественной и зарубежной историографии

Рассматривая тему изучения этнокультурной и этнополитической истории регионов южнорусского лесостепного пограничья в ордынскую эпоху, невозможно обойтись без обращения к работам предшествующих поколений историков, работавших в данной тематике, а также всего спектра новейших исследований соответствующего направления.

Историю изучения регионов русско-ордынского пограничья можно разделить на несколько периодов или этапов. Начальный этап – вторая половина XIX – начало XX в. Среди наиболее значимых исследований этого периода необходимо выделить работы Д.И. Иловайского, Д.И. Зубрицкого, М.А. Максимовича, Н.П. Дашкевича, П. Голубовского, М. Владимирского-Буданова, Д.И. Багалея, М.К. Любавского, М.С. Грушевского, С.Н. Введенского⁷⁶.

⁷⁶ *Иловайский Д.И.* История Рязанского княжества. М., 1858; *Зубрицкий Д.И.* История древнего Галицко-Русского княжества. Львов, 1855; *Максимович М.А.* О мнимом запустении Украины в нашествие Батыево и населении ее новопришлым народом // Собрание сочинений. Т. 1. Киев, 1876; *Дашкевич Н.П.* Болоховская земля и ее значение в русской истории // Труды III АС. Т. 2. Киев, 1878; *Голубовский П.* История Северной земли до половины XIV столетия. Киев, 1881;

В XIX в. выходят и первые фундаментальные труды русских историков, посвященные систематизации и изучению восточных источников, в числе прочего содержащих информацию об Улусе Джучи (Золотой Орде), а также вопросам, относящимся к политической истории Монгольской империи. В этом плане прежде всего следует выделить работы Н.Я. Бичурина⁷⁷, В.Г. Тизенгаузена⁷⁸, И.Н. Березина⁷⁹ и В.В. Бартольда⁸⁰, заложившие основы российской ориенталистики и восточного источниковедения.

В 20—30-х гг. XX в. появляются значимые работы русских историков Н.И. Веселовского⁸¹ и В.В. Мавродина⁸²,

Владимирский-Буданов М. Население Юго-Западной России от половины XIII до половины XV века // Архив ЮЗР. Ч. 7. Т. 1. 1886; *Багалей Д.И.* История Северной земли до половины XIV столетия. Киев, 1882; *Любавский М.К.* Очерк истории Литовско-Русского государства. М., 1910; *Грушевский М.С.* Історія України-Руси. Львів, 1905. Т. 3; *Грушевский М.С.* Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV ст. К., 1891; *Введенский С.Н.* Червлёный Яр // Воронежская старина. Воронеж, 1905. Вып. 5.

⁷⁷ *Бичурин Н.Я. (Иакинф).* История первых четырех ханов из дома Чингисова. СПб., 1829.

⁷⁸ *Тизенгаузен В.Г.* СМІЗО. СПб., 1884.

⁷⁹ *Березин И.Н.* Очерк внутреннего устройства Улуса Джучиева / ВОР. Ч. 8. СПб., 1864.

⁸⁰ *Бартольд В.В.* Образование империи Чингисхана / Записки ВОР. Т. X. СПб., 1896.

⁸¹ *Веселовский Н.И.* Хан из темников Золотой Орды. Ногай и его время. Пг., 1922.

⁸² *Мавродин В.В.* Левобережная Украина под властью татаро-монголов // Ученые записки ЛГУ. 1939. № 32. Вып. 2.

украинских исследователей Ф. Петруня⁸³ и О. Федоровского⁸⁴, а также польского историка С.М. Кучинского⁸⁵, посвященные изучению некоторых аспектов политической истории Золотой Орды, а также административно-территориальному статусу южнорусских земель.

Основополагающими работами, давшими серьезный толчок к изучению русско-ордынских отношений, стали монографии А.Н. Насонова⁸⁶, В.В. Мавродина⁸⁷, коллективный труд Б.Д. Грекова, А.Ю. Якубовского⁸⁸, а также работы В.Т. Пашуто⁸⁹. Важным шагом в изучении политической истории Золотой Орды, а также административно-территориальных изменений периода дезинтеграции и упадка государственных институтов Улуса Джучи стала вышедшая в 1960 г. мо-

⁸³ *Петрунь Ф.* Ханські ярлики на українські землі: (До питання про татарську Україну) // Східний світ. Харків, 1928; *Он же.* Східна межа Великого князівства Литовського в 30-х роках XV сторіччя // Ювілейний збірник на пошану академіка М.С. Грушевського з нагоди шістдесятої річниці життя та сорокових роковин наукової діяльності. Т. 1. Київ, 1928.

⁸⁴ *Федоровський О.* Рештки культури татар Золотої Орди на Україні // Східний світ. Харків, 1928.

⁸⁵ *Kuczynski S.M.* Ziemie Czernihowsko-Siewierskie pod rządami Litwy. Праці Українського наукового інституту. Т. 33. Warszawa, 1936.

⁸⁶ *Насонов А.Н.* Монголы и Русь (история татарской политики на Руси). М.; Л., 1940.

⁸⁷ *Мавродин В.В.* Очерки истории Левобережной Украины (с древних времен до второй половины XIV в.). Л., 1940.

⁸⁸ *Греков Б.Д., Якубовский А.Ю.* Золотая Орда и ее падение. М., 1950.

⁸⁹ *Пашуто В.Т.* Очерки истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950; *Он же.* Образование Литовского государства. М., 1959.

нография М.Г. Сафаргалиева⁹⁰.

Одной из немногих работ советских историков, посвященных изучению вопросов экономического и этнокультурного взаимодействия славянского и тюркского населения на территории Улуса Джучи, а также проблеме положения различных социальных групп древнерусского общества в государственной системе Золотой Орды является научное исследование М.Д. Полубояриновой, опубликованной в 1978 г.⁹¹

В 1985 г. выходит в свет фундаментальное исследование В.Л. Егорова, посвященное изучению вопросов исторической географии Золотой Орды⁹². Новым подходом в изучении пограничных со Степью регионов Южной Руси стал выдвинутый В.Л. Егоровым тезис о существовании так называемых «буферных зон», отделявших собственно ордынские кочевья от русских княжеств. К таковым зонам исследователь относил Болховскую землю, Поросье, полосу земель между Киевом, Каневом и Переяславлем-Южным, районы Курско-Рыльского Посеймья, а также земли Верхнего Подонья и так называемого Тульского баскачества, располагавшиеся в среднем течении р. Упы⁹³. К сожалению, В.Л. Егоровым не было четко сформулировано определение по-

⁹⁰ Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. Саранск, 1960.

⁹¹ Полубояринова М.Д. Русские люди в Золотой Орде. М., 1978.

⁹² Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды. М., 1985.

⁹³ Егоров В.Л. Указ. соч. 2-е изд. М., 2009. С. 31, 37, 38, 43; Он же. Владения Золотой Орды в районе бассейна Верхнего Дона // Липецк: начало истории. Липецк, 1996. С. 75, 78.

нения «буферной зоны». В историко-географическом контексте данный термин обычно трактуется как территория, разделяющая враждебные государства или этнические группы⁹⁴. Вместе с тем в современной исторической науке существует и иное определение «буферной зоны» как территории, расположенной на стыке культурно-исторических пространств, в пределах которой создавались условия для их продуктивного контакта⁹⁵.

Изучению дискуссионных вопросов административно-территориального устройства Подольского, Волынского и Киевского удельных княжеств как периферийно-пограничных регионов, расположенных на южных рубежах ВКЛ, посвящены работы известного советского (украинского) историка Н.Ф. Шабульдо⁹⁶.

Знаковой работой, положившей начало новым подходам к изучению истории южнорусских земель в ордынскую эпоху, становится вышедшая в 1987 г. монография А.А. Шенни-

⁹⁴ *Тимошук В.О.* Давньоруська Буковина (X – перша половина XIV ст.). Киев, 1982. С. 86–89, 202–203; *Егоров В.Л.* Граница Руси с Золотой Ордой // Вопросы истории. 1985. № 1. С. 8—19.

⁹⁵ *Бессуднова М.Б.* Россия и Ливония в конце XV века. М., 2015. С. 412; *Пенской В.В.* Полоцкая война. Очерки русско-литовского противостояния времен Ивана Грозного. 1562–1570. М., 2019. С. 185–186.

⁹⁶ *Шабульдо Н.Ф.* Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского. Киев, 1987; *Он же.* Литовско-ордынский и польско-ордынский кондоминиум в украинских землях в XIV в. // Сословия, институты и государственная власть в России. Средние века и раннее новое время: Сб. ст. памяти акад. Л.В. Черепнина. М., 2010. С. 496–497.

кова, посвященная изучению одного из регионов русско-ордынского пограничья, располагавшегося в лесостепной полосе Донского левобережья и носившего в русских летописных источниках название Червленого Яра⁹⁷.

Исследование А.А. Шенникова стало первой работой, в которой один из регионов русско-ордынского пограничья был обозначен как зона этнокультурных и хозяйственно-экономических контактов (контактная зона). Позднее проблема административно-территориального статуса среднего Подонья в эпоху Золотой Орды неоднократно рассматривалась в работах воронежских исследователей Ю.В. Селезнева и А.О. Амелькина, а также казанского историка Б.Р. Рахимзянова⁹⁸.

Вместе с тем, несмотря на появление отдельных работ, представляющих нестандартные гипотезы и методы исследовательского поиска, господствующим подходом к изучению проблем русско-ордынских отношений в советской историографии являлось их рассмотрение исключительно через призму концепции антагонизма между двумя хозяйственными укладами – оседлым земледелием и кочевым скотовод-

⁹⁷ Шенников А.А. Червлёный Яр. Исследование по истории и географии Среднего Подонья в XIV–XVI вв. Л., 1987.

⁹⁸ Амелькин А.О., Селезнев Ю.В. Центральнo-Черноземный край в русско-ордынском пограничье (в конце XIV – начале XV века) // Труды первого всероссийского съезда историков-регионоведов. Т. II. СПб., 2010. С. 386–392; Селезнев Ю.В. Ино-конфессиональное население Улуса Джучи. Русские // Золотая Орда в мировой истории. Казань, 2016. С. 310–316; Рахимзянов Б.Р. Москва и татарский мир: сотрудничество и противостояние в эпоху перемен, XV–XV вв. СПб., 2016.

ством⁹⁹. В основе данного подхода лежал крайне субъективный и научно несостоятельный тезис К. Маркса о механизмах хозяйственной деятельности монголов на завоеванных территориях¹⁰⁰.

В постсоветской историографии, вследствие исчезновения идеологических установок и отхода от марксистской парадигмы, изучение русско-ордынских отношений переходит на новый уровень. Помимо работ, посвященных политической истории Улуса Джучи¹⁰¹ и истории русско-ордынских отношений¹⁰², появляются исследования, рассматривающие историческое развитие Руси, Золотой Орды и отдельных «та-

⁹⁹ Мавродин В.В. Указ. соч. Изд. 2. СПб., 2002. С. 395; Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства (историко-географическое исследование). Монголы и Русь (история татарской политики на Руси). СПб., 2006. С. 183; Рыбаков Б.А. Ремесло Древней Руси. М., 1948. С. 525–538; Кучкин В.А. Русь под игом. Как это было? М., 1991. С. 28; Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973. С. 28.

¹⁰⁰ Маркс К. Разоблачения дипломатической истории XVIII века // Черная легенда. Друзья и недруги Великой степи. М., 2012. С. 408.

¹⁰¹ Трепавлов П.П. Государственный строй Монгольской империи XIII в.: Проблема исторической преемственности. М., 1993; Он же. Золотая Орда в XIV столетии. М., 2010; Он же. Большая Орда – Тахт эли. Очерк истории. Тула, 2010; Миргалеев И.М. Политическая история Золотой Орды периода правления Токтамыш-хана. Казань, 2003; Мыськов Е.П. Политическая история Золотой Орды в XIII – начале XIV в. Волгоград, 2003.

¹⁰² Горский А.А. Москва и Орда. М., 2000; Селезнев Ю.В. «А переменит Бог Орду...» (русско-ордынские отношения в конце XIV – первой трети XV в.). Воронеж, 2006; Он же. Картины ордынского ига. Воронеж, 2017; Он же. Русские князья при дворе ханов Золотой Орды. М., 2017; Кривошеев Ю.В. Русь и монголы: Исследование по истории Северо-Восточной Руси XII–XIV вв. СПб., 2015.

тарских» юртов с позиций формационного и цивилизационного подходов, системного анализа, а также с применением методологии социоестественной истории¹⁰³.

Также следует отметить четко прослеживающийся в работах современных историков отход от теории «монголо-татарского ига» как системы политического и экономического угнетения, якобы вызвавшего затяжной системный кризис русских земель. Опираясь на новейшие данные археологии, палеоклиматологии и других смежных дисциплин, а также проведя тщательный анализ письменных источников, ряд исследователей аргументированно оспорили тезис о монгольском нашествии как о некоем катастрофическом рубеже в общеисторическом развитии древнерусской цивилизации¹⁰⁴.

Характерно, что вышеобозначенные точки зрения российских и украинских исследователей фактически являют-

¹⁰³ Крамаровский М.Г. Золото Чингисидов: культурное наследие Золотой Орды. СПб., 2001; *Он же*. Рах Mongolica и проблемы глобализации культуры Евразии // Золотоордынская цивилизация. 2017. № 10. С. 20; *Кульпин-Губайдулин Э.С.* Золотая Орда: проблемы генезиса Российского государства. М.; УРРС, 2005; *Шамильоглу Ю.* Влияние Черной смерти на Золотую Орду: политика, экономика, общество, цивилизация // Золотая Орда в мировой истории. Казань, 2016. С. 679–695; *Хайдаров Т.Ф.* Эпоха «Черной смерти» в Золотой Орде и прилегающих регионах (конец XIII – первая половина XV в.). Казань, 2018; *Маслюженко Д.Н.* Этнополитическая история лесостепного Притоболья в Средние века. Курган, 2008.

¹⁰⁴ *Макаров Н.А.* Русь в XIII в.: культурная ситуация по археологическим данным // Русь в XIII в.: Континуитет или разрыв традиций? М., 2000. С. 9; *Ивакин Г.Ю.* Историческое развитие Южной Руси и Батыево нашествие // Русь в XIII веке: Древности темного времени. М., 2003. С. 65.

ся аргументированным подтверждением тезиса английского историка Дж. Феннела, высказанного им несколько ранее в одной из работ, посвященных истории средневековой Руси¹⁰⁵.

В последние десятилетия прослеживается возрождение интереса к вопросам русско-ордынского взаимодействия на территории лесостепных регионов северной периферии Улуса Джучи в украинской исторической науке¹⁰⁶.

В 2010-х гг. выходит несколько работ российских историков, посвященных изучению отдельных регионов русско-ордынского пограничья¹⁰⁷.

¹⁰⁵ Fennel J. The Crisis of Medieval Russia 1200–1304. London; New York, 1983.

¹⁰⁶ Черкас Б.В. Территориальное устройство Улуса Джучи (территория западнее Дона) // Золотая Орда в мировой истории. Казань, 2015; Толочко О.П., Ричка В.М. «Князи болоховьскіи» // Ruthenica. Т. XIII. Київ, 2016. С. 105–106; Русина Е.В. Северская земля: генезис и историческая эволюция в XV – нач. XVI в. Дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1991; Она же. Сіверська земля у складі Великого князівства Литовського. Київ, 1998; Она же. Україна під татарами і Литвою // Україна крізь віки. Т. 6. Київ, 1998; Она же. Історія Київського князівства XIV–XV ст. у світлі нових даних // Україна крізь віки. Збірник наукових праць на пошану академіка НАН України професора Валерія Смолія. Київ, 2010. С. 184–202; Білецька О. Поділля на знамі XIV–XV ст. до витоків формування історичної області. Одеса, 2004; Пилипчук Я.В. Татары и Киевская земля (1362–1471) // Крымское историческое обозрение. Вып. 1 (3). Бахчисарай; Казань, 2015. С. 91—120; Пилипчук Я.В., Несин М.А. Великое княжество Литовское и татары в период правления Александра Казимировича (1492–1506 гг.) // История военного дела: исследования и источники. Спец. вып. V. Стояние на реке Угре 1480–2015. Ч. II. СПб., 2016. С. 390–448.

¹⁰⁷ Лаврентьев А.В. После Куликовской битвы: Очерки истории Окско-Донского региона в последней четверти XIV – первой четверти XVI в. М., 2012. С. 3.

Проблемам возникновения и географической локализации владений «служилых татар» и казачьих сообществ на пограничных со Степью землях ВКЛ и Московского княжества посвящены исследования И.В. Зайцева, Е.Е. Русиной и А.В. Белякова¹⁰⁸.

К новейшим российским исследованиям по теме русско-ордынского пограничья относятся работы Е.В. Нолева¹⁰⁹ и Б.Д. Ряхимзянова¹¹⁰.

Получение как можно более полной и объективной картины исторического развития регионов южнорусской лесосте-

183–184; *Шеков А.В.* Верховские княжества. Середина XIII – середина XVI в. М., 2012; *Андреев С.И.* Древнерусские поселения верховьев р. Цны XIII–XIV вв. (К вопросу о юго-восточной границе Рязанского княжества) // Куликово поле: Исторический ландшафт. Природа. Археология. История. Т. 2. Тула, 2003. С. 48–67; *Андреев С.И.* Русско-татарско-мордовское пограничье во второй половине XIII–XVI вв. // Вестник ТГУ. 2013. Вып. 10 (126). С. 31–42.

¹⁰⁸ *Зайцев И.В.* Татарские политические образования на территории Великого княжества Литовского: Яголдаева «тьма» // Золотая Орда в мировой истории. Казань, 2016. С. 809; *Русина Е.Е.* Яголдай, Яголдаевичи, Яголдаева «тьма» // Славяне и их соседи. Вып. 10. Славяне и кочевой мир. К 75-летию академика Г.П. Литаврина. М., 2001. С. 147; *Беляков А.В.* «Касимовское царство» раннего периода (XV – первая половина XVI в.): проблема интерпретации источников // Восточная Европа в древности и Средневековье. Т. XVII. 2005. С. 172–175; *Он же.* Мещерские казаки // Казачество в тюркском и славянском мирах. Казань, 2018. С. 202–215.

¹⁰⁹ *Нолев Е.В.* На северо-западных рубежах Монгольской империи: русско-ордынское пограничье // Власть. Т. 25. 2017. № 9. С. 167–172.

¹¹⁰ *Рахимзянов Б.Р.* К вопросу о «буферных зонах» во взаимоотношениях поздней Золотой Орды и северо-восточных княжеств // Средневековые тюркско-татарские государства. 2010. № 2. Казань. С. 91–95.

пи в ордынскую эпоху невозможно без привлечения материалов археологических исследований и их синтеза с данными, содержащимися в нарративных источниках.

В данном контексте применение метода междисциплинарных исследований, представляющего собой синтез информации, содержащейся в письменных и археологических источниках, открывает ряд новых и перспективных направлений научного поиска.

В XX в. системному археологическому изучению подвергаются территории, составлявшие западную часть территории Улуса Джучи, включая регионы южнорусского лесостепного пограничья. По итогам этих исследований выходит ряд работ исследователей, синтезировавших сведения письменных источников с данными археологии¹¹¹.

С 80-х гг. XX в. интенсивному археологическому изучению подвергались территории Курско-Рыльского Посеймья. Результаты исследований, относящиеся к ордынской эпохе (XIII–XV вв.), нашли отражение в работах В.В. Енукова, Г.Е. Шинакова, В.В. Приймака, А.В. Зорина, А.Г. Шпилева и А.А. Чубура¹¹².

¹¹¹ *Раппопорт П.А.* Города Болховской земли // КСИИМК. 1955. Вып. 57; *Терещук К.І.* До питання про локалізацію Болоховської землі // Дослідження з слов'яно-руської археології. Київ, 1976; *Беляева С.А.* Южнорусские земли во второй половине XIII–XIV вв. (по данным археологии). Киев, 1982; *Супруненко О.Б., Приймак В.В., Мироненко К.М.* Старожитності золото-ордынського часу Дніпровського лісостепоного Лівобережжя. Киев; Полтава, 2004.

¹¹² *Енуков В.В.* Славянський комплекс на р. Рать // Археологія і історія Юго-

Результаты исследований археологических объектов тульских земель и района Куликова поля отражены в ряде работ В.П. Гриценко, А.Н. Наумова и М.И. Гоняного¹¹³.

Значительные материал по изучению истории Среднего Подонья в XIII–XIV вв. предоставили археологические ис-

Востока Руси. Курск, 1991; *Он же*. Ратский археологический комплекс в эпоху Золотой Орды // Средневековая археология. 2018. № 4. С. 47–50; *Шинаков Г.Е.* Характер размещения древнерусских памятников на территории «Воронежских лесов» // Актуальные проблемы археологических исследований в Украинской ССР / ТД республиканской конференции молодых ученых (Киев, апрель 1981). Киев, 1981; *Приймак В.В.* О локализации летописного города Липовицка // Теория и методика исследования археологических памятников лесостепной зоны. Липецк, 1992; *Зорин А.В., Шпилев А.Г.* Курское городище, Городенское городище и Гусин брод // Славяно-русские древности Днепровского левобережья. Курск, 2008; *Чубур А.А.* К исторической географии Посеймья и сопредельных земель в период феодальной зависимости от Золотой Орды // *Studia internationalia: Материалы II Международной конференции «Западный регион России в международных отношениях X–XX вв.»*. Брянск, 2013. С. 51–52.

¹¹³ *Гриценко В.П.* К вопросу о местонахождении летописной Тулы // Тула историческая: прошлое и настоящее. Тула, 1996; *Он же*. Торховское городище и его округа // Историко-археологические чтения памяти Н.И. Троицкого. Тула, 1997; *Наумов А.Н.* Черная металлургия и железообработка на сельских памятниках Куликова поля в конце XII – первой четверти XIV в. Тула, 2008; *Гоняный М.И., Наумов А.Н.* Металлургический комплекс XIV в. на поселении Монастырщина-5 на Куликовом поле // Тезисы докладов отчетной сессии ГИМ по итогам полевых археологических исследований и новых поступлений в 1991–1995. М., 1996; *Гоняный М.И.* К вопросу о динамике заселения района Куликова поля древнерусским населением в XII–XIV вв. // На Юго-Востоке Древней Руси: историко-археологические исследования. Воронеж, 1996; *Он же*. Тюркские элементы в материальной культуре древнерусских поселений конца XII – третьей четверти XIV в. в районе Куликова поля (на примере украшений ременной гарнитуры) // Русь в IX–XIV веках: взаимодействие Севера и Юга. М., 2005. С. 85–101.

следования, проводившиеся в 80—90-х гг. XX в. кафедрой археологии и истории древнего мира ВГУ под руководством М.В. Цыбина в Хоперско-Донском междуречье¹¹⁴.

В 90-х гг. XX в. начинаются масштабные археологические исследования земель Верхнего Подонья и бассейнов притоков Дона (Быстрой Сосны, Красивой Мечи, Вязовки и др.), составлявших основную территорию Елецкого княжества. Изучению истории этого государственного образования посвящен ряд работ Н.А. Тропина¹¹⁵.

Немаловажным аспектом в изучении истории регионов южнорусской лесостепи в эпоху Средневековья является проблема влияния ландшафтно-географического и климатического факторов на специфику развития изучаемых тер-

¹¹⁴ *Цыбин М.В.* Юго-Восточная окраина Руси в XII–XIV вв. (по данным археологии). Дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1987; *Он же.* Юго-Восток русских земель после монгольского завоевания // Славяне и их соседи. Славяне и кочевой мир. М., 1998. С. 121–124; *Он же.* К изучению русско-золотоордынского пограничья в Среднем Подонье // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. I Международная Нижневолжская археологическая конференция. Тезисы докладов. Волгоград, 2004; *Он же.* Периферия Золотой Орды в Подонье // Краткие сообщения Института археологии. 2007. № 221. С. 166–175.

¹¹⁵ *Тропин Н.А.* К вопросу о понятии «Елецкая земля» и ее границах в XII–XV вв. // Формирование и развитие социальной структуры населения Центрального Черноземья. Тамбов, 1992. С. 19–20; *Он же.* «Елецкая земля» и формирование ее территории в XII–XV вв. // Археология и история юго-востока Древней Руси. Воронеж, 1993. С. 88–91; *Он же.* К исторической географии Елецкой земли XIV – нач. XV в. // Россия в X–XVIII вв. Проблемы истории и источниковедения. М., 1995. С. 586–591; *Он же.* Елецкая земля в XII–XV вв. Елец, 1999; *Он же.* Южные территории Чернигово-Рязанского порубежья в XII–XV вв. Елец, 2006.

риторий. Из числа новейших исследований, посвященных вопросам влияния климатических изменений на процессы хозяйственного освоения различными этническими группами евразийской лесостепной зоны, следует особо выделить ряд работ, относящихся непосредственно к палеогеографической и палеоклиматической истории ряда регионов русско-ордынского пограничья¹¹⁶.

¹¹⁶ Гоняный М.И., Александровский А.Л., Гласко М.П. Северная лесостепь бассейна Верхнего Дона времени Куликовской битвы. М., 2007. С. 46–47; Александровский А.Л. Природная среда Верхнего Подонья во второй половине голоцена (по данным изучения палеопочв городищ раннего железного века) // Археологические памятники Верхнего Подонья I тысячелетия н. э. Воронеж, 1998. С. 196; Чендеев Ю.Г., Александровский А.Л. Почвы и природная среда бассейна реки Воронеж во второй половине голоцена // Почвоведение. 2002. № 4. С. 389–398.

§ 1.3. Основные источники темы

Для решения поставленных в исследовании задач был привлечен широкий круг как отечественных, так и зарубежных источников, содержащих прямые или косвенные сведения по политической истории, экономике и исторической географии Улуса Джучи и южнорусских княжеств.

Письменные источники, использованные в работе, можно разделить на несколько групп:

1. Древнерусские, включающие в себя летописи, историко-географические трактаты, духовные и договорные грамоты князей, грамоты митрополитов;
2. Западные, включающие путевые записки представителей дипломатических миссий, историко-географические сочинения, акты дипломатической переписки, нотариально-коммерческие акты;
3. Восточные, состоящие в основном из мусульманских, армянских, грузинских и китайско-монгольских исторических хроник и историко-литературных произведений, а также географических трактатов и записок путешественников.

Наибольший объем информации о событиях, происходивших на землях Южной Руси в эпоху становления административно-территориальной системы Улуса Джучи (1242

— 1280-е гг.), содержит Ипатьевская летопись¹¹⁷.

События, связанные с административно-территориальными изменениями в землях Курско-Рыльского Посеймья в 80-х гг. XIII в. (баскачество Ахмата), наиболее полно изложены в Лаврентьевской летописи¹¹⁸.

Летописями XV в., содержащими информацию о событиях, происходивших в регионах русско-ордынского пограничья, являются Рогожский летописец, Ермолинская и Типографская летописи, а также Московский летописный свод 1479 г.

В Рогожской летописи достаточно подробно отражены события военно-политической экспансии ВКЛ в южнорусские земли, включая территорию Верховских княжеств, вплоть до бассейна Быстрой Сосны¹¹⁹.

Ермолинская летопись, названная так по упоминанию в ней деятельности известного русского архитектора Василия Еролина, была создана в конце XV в.¹²⁰

Уваровский список московского великокняжеского летописания, обнаруженный М.Н. Тихомировым и изданный им под названием «Московский свод конца XV в.»¹²¹, содержит уже несколько более позднюю редакцию свода 1479 г., до-

¹¹⁷ ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. М., 1908.

¹¹⁸ Там же. Т. I. Лаврентьевская летопись. Л., 1926–1928.

¹¹⁹ Там же. Т. XV. Рогожская летопись. М., 1965.

¹²⁰ Там же. Т. XVIII. Ермолинская летопись. М., 2007.

¹²¹ Там же. Т. XXV. М.; Л., 1949.

веденную до 1493 г.¹²² Особую ценность представляет сообщение Московского летописного свода конца XV в. о широкомасштабных торговых связях Московского княжества с Большой Ордой в последней трети XV в., по сухопутному маршруту, проходившему, по всей вероятности, через пограничные земли Донского правобережья¹²³.

Одним из крупнейших летописных сводов XVI в., содержащих информацию о событиях второй половины XIII–XV вв., является Никоновская летопись¹²⁴, составленная при дворе митрополита Даниила в конце 1520-х – начале 1530-х гг. и получившая свое название от принадлежности одного из списков патриарху Никону. По мнению А.Г. Кузьмина, сообщения Никоновского свода, относящиеся к истории Рязанского княжества XIII–XV вв., восходят к утраченному рязанскому летописанию¹²⁵. Следует отметить, что историко-фактологический материал Никоновской летописи подвергался существенной литературной и идеологической обработке, в силу чего сведения этого летописного источника нуждаются в дополнительной перепроверке¹²⁶.

В изучении событий истории Южной и Юго-Западной Ру-

¹²² Лурье Я.С. Указ. соч. С. 135–136.

¹²³ ПСРЛ. Т. XXV. Московский летописный свод конца XV в. М., 1949. С. 302.

¹²⁴ Там же. Т. XI–XII. Никоновская летопись. М., 1965.

¹²⁵ Кузьмин А.Г. Рязанское летописание. М., 1965. С. 29.

¹²⁶ Клосс Б.М. Никоновский свод и русские летописи XVIII–XIX вв. М., 1980;

Насонов А.Н. Русская земля и образование территории древнерусского государства. М., 1951; Кузьмин А.Г. Указ. соч. М., 1967.

си второй половины XIV – начала XVI в. важное значение имеет информация, представленная в ряде летописных сводов Великого княжества Литовского (далее ВКЛ).

Слуцкая, или Уваровская, летопись¹²⁷ – источник западно-русского летописания XVI в. Летопись делится на две части. В первой отражены события со второй половины XIV в. до 1446 г., происходившие на территории ВКЛ. Вторая часть – летопись общерусского характера с описанием событий 970—1240 гг. Данный летописный источник достаточно подробно описывает систему управления землями Бужско-Днестровского междуречья в государственной системе Улуса Джучи, а также содержит сообщения об изменениях административно-политического положения в таком регионе русско-ордынского пограничья, как Подолия в период литовской экспансии во второй половине XIV в.¹²⁸

Густынская летопись, получившая название по месту своего составления (Густынский монастырь под Черниговом), была создана в начале XVII в.¹²⁹ Автор использовал древнерусские, польские, литовские, византийские и другие доступные ему письменные источники. Особую ценность в информативном плане представляют содержащиеся в Густынской летописи достаточно подробные описания событий во-

¹²⁷ ПСРЛ. Т. XXXV. Уваровская (Слуцкая) летопись. М., 1880.

¹²⁸ Там же. С. 74–75. Л. 42–43 об.

¹²⁹ Там же. Т. II. Густынская летопись. СПб., 1843; ПСРЛ. Т. XXXX. Густынская летопись / Отв. ред. В.А. Кучкин. СПб., 2003.

енно-политической экспансии ВКЛ в 60— 70-х гг. XIV в. в земли русско-ордынского пограничья¹³⁰.

Определенная информация о событиях, происходивших на землях южнорусских княжеств в ордынскую эпоху, содержится в таком позднем западнорусском источнике, как «Хроника Литовская и Жмойтская», составленном в середине XVII столетия¹³¹.

Еще одним западнорусским нарративным источником, содержащим определенную (в ряде случаев уникальную) информацию об отношениях Великого княжества Литовского (ВКЛ) с Крымским ханством и Большой Ордой в XV–XVI вв., является Литовская метрика (ЛМ). Она представляет собой собрание специфических материалов (тетрадей, книг) канцелярии ВКЛ XV–XVIII вв. с копиями документов, издаваемых от имени великого князя, рады, сеймов, а также актов дипломатической переписки крымских ханов и литовских князей¹³².

Важным источником по истории земель галицкого Понизья в XIV – первой половине XV в. является свод Славяно-Молдавских летописей¹³³. В частности, в данном источ-

¹³⁰ ПСРЛ. Т. 2. Густынская летопись. СПб., 1843. С. 350.

¹³¹ ПСРЛ. Т. XXXII. Хроника Литовская и Жмойтская. М., 1975.

¹³² Литовская метрика. Т. VII. Acta Magu. Ducat. Litv., рукопись in folio нач. XVI в. Записи книги VII. Л. 59–40 // Акты относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. II. 1506–1544 гг. СПб., 1848.

¹³³ Славяно-молдавские летописи (СМЛ). М., 1976; Суляк С.Г. Русины в мол-

нике содержится уникальная информация о взаимодействии различных этнических групп (русинов, волохов, татар), населявших регион Днестровско-Прутского и Прутско-Серетского междуречий¹³⁴.

Некоторые сведения, относящиеся к истории южнорусских княжеств, содержатся в Новгородских летописных сводах¹³⁵.

Важным историко-географическим источником, содержащим информацию об административно-территориальной структуре южнорусских земель в конце XIV в., является «Список русских городов, дальних и ближних»¹³⁶. Согласно наиболее обоснованному тезису современного украинского историка Г.Ю. Ивакина, «Список» мог быть составлен в 1396–1397 гг., когда Киприан находился в Киеве, где вел политические переговоры с литовскими князьями Ягайло и Витовтом¹³⁷. В то же время следует отметить, что данные «Списка...» содержат ряд сведений, относящихся к более раннему времени, устаревших к моменту его создания.

давском летописании // Русин. 2017. № 4 (50). С. 10–37.

¹³⁴ СМЛ. М., 1976. С. 55; Летопись земли Молдавии от сотворения мира и до 1601 года; Глава XVI. *Суляк С.Г.* Русины в молдавском летописании // Русин. 2017. № 4 (50). Приложение 2. С. 36.

¹³⁵ ПСРЛ. Т. IV. Вып. 1. Новгородская IV летопись. СПб., 1848. С. 37; Т. 4. Ч. 1. М., 2000. С. 228; ПСРЛ. Т. XII. Софийская летопись. СПб., 1901. С. 61–62.

¹³⁶ *Тихомиров М.М.* Список русских городов, дальних и ближних // Исторические записки. 1952. № 40. С. 218–220.

¹³⁷ *Ивакин Г.Ю.* Историческое развитие Киева XIII – середины XVI в. (историко-топографические очерки). К., 1996.

Так, в «Списке...» указан г. «Коршев на Сосне», тогда как уже существовавший в 90-х гг. XIV в. Елец не упоминается.

Информацию об изменениях в административно-политическом статусе пограничных районов Рязанского княжества и сопредельных с ним территорий золотоордынских улусов в конце XIV–XV в. содержат духовные и договорные грамоты московских и рязанских князей¹³⁸.

К нормативно-правовым источникам относятся также и грамоты московских митрополитов Феогноста и Алексия, обращенные к православному населению ордынского улуса, располагавшегося на землях Донского левобережья¹³⁹. В русских источниках он обозначался как Червлёный Яр. Тексты послания митрополитов фиксируют наличие на территории Среднего Подонья представителей как ордынской администрации (баскаков, сотников), исповедовавших православие, так и довольно многочисленного земледельческого населения, включая представителей знати (бояр) и духовенства¹⁴⁰.

Значительный объем сведений, относящихся к исторической географии лесостепного пограничья Российского госу-

¹³⁸ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950.

¹³⁹ Грамота митрополита Феогноста на Червлёный Яр // Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 1. 1334–1598. СПб., 1841. С. 21–22; Грамота митрополита Алексия на Червлёный Яр боярам, баскакам, духовенству и мирянам // АИ. Т. 1, 1334–1598 гг. СПб., 1841. С. 22–23.

¹⁴⁰ Грамота митрополита Алексия на Червлёный Яр боярам, баскакам, духовенству и мирянам // АИ. Т. 1, 1334–1598 гг. СПб., 1841. С. 23.

дарства эпохи позднего Средневековья, содержится в географическом трактате – «Книге Большому чертежу», содержащей подробное описание территории Московского царства и соседних с ним государств в XVI–XVII вв. Особую ценность представляет информация о «татарских дорогах» – «сакмах» или «шляхах», возникших в золотоордынский период и частично проходивших по территории пограничных со Степью регионов¹⁴¹. Помимо этого в «Книге» содержатся сведения о расположении ряда населенных пунктов золотоордынской эпохи, прекративших свое существование к моменту составления трактата¹⁴².

К числу историко-литературных источников, содержащих некоторые сведения историко-географического характера о располагавшемся на границе с Ордой Елецком княжестве, а также территории ордынских кочевий в Среднем Подонье, следует отнести «Хождение митрополита Пимена в Царьград». Составленное Игнатием Смолянином по итогам поездки московского церковного посольства в Константинополь в 1389 г., «Хождение...» было включено московским летописцем в текст Никоновской летописи¹⁴³.

Определенная информация, относящаяся к вопросам административного статуса и датировки возникновения таких пограничных феодальных образований, как Елецкое княже-

¹⁴¹ Книга Большому чертежу. М.; Л., 1950.

¹⁴² Указ. соч. С. 111.

¹⁴³ ПСРЛ. Т. XI. М., 1965. С. 95–96.

ство, владения Мансура-Кията (официального родоначальника князей Глинских), содержится в родословных книгах Российского государства XVI–XVII вв.¹⁴⁴

Ценным источником по определению административно-политического положения областей русско-ордынского пограничья в конце XIV – первой трети XV в. являются ярлыки ордынских и крымских ханов, выдаваемые литовским князьям и польским королям на управление южнорусскими землями¹⁴⁵. К их числу следует отнести тарханные ярлыки хана Токтамыша (1392 и 1393 гг.), тарханный ярлык хана Тимур-Кутлуга, ярлык крымского хана Менгли-Гирея (1507 г.). Анализ этих нормативно-правовых актов позволяет более точно определить административно-правовой статус ряда территорий русско-ордынского пограничья в эпоху упадка Орды и военно-политического доминирования ВКЛ в южнорусских землях.

Из числа западноевропейских источников наибольший объем информации по административно-политическому статусу южнорусских земель в период становления ордын-

¹⁴⁴ Родословная книга. СПб., 1787. С. 1787; Роспись князей Глинских, поданная в Разряд 1686 г. марта 4 // РГАДА. Ф. 210. Оп. 18. Д. 87. Л. 1–2; Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 256. № 349. Приложение 3 // Очерки феодальной России. № 15. М.; СПб., 2012. С. 179–180, 190.

¹⁴⁵ Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археологической комиссией. Т. 2. СПб., 1842. № 6; *Петрунь Ф.* Ханські ярлики на українські землі: (до питання про татарську Україну) // Східний світ. Харків, 1928. № 2; Тарханные ярлыки Тохтамыша, Тимур-Кутлуга и Саадат-Гирея // Воскресенская летопись. Приложения. Рязань, 1998. С. 521–532.

ского государства содержится в «Истории монголов» католического священника и дипломата Иоанна де Плано Карпини¹⁴⁶. Сведения о северной границе ордынских кочевий в Правобережном Подонье и присутствии русского населения в этом регионе содержат путевые записки французского дипломата Гильома Рубрука¹⁴⁷.

Важное свидетельство о существовании труднопроходимой границы, отделявшей русские княжества от сопредельных государств, содержится в «Книге о разнообразии мира» венецианского путешественника Марко Поло¹⁴⁸.

К числу используемых в работе источников также следует отнести путевые заметки европейских путешественников Амброджио Контарини и Гильбера де Ланоя, а также «Записки о московитских делах» австрийского дипломата Сигизмунда Герберштейна¹⁴⁹. Кроме того, в исследовании использовалась информация, относящаяся к истории изучаемого региона, представленная в ряде дипломатических ак-

¹⁴⁶ *Giovanni di Pian di Carpine. Storia dei Mongoli* / Enrico Menesto. Spoleto: Centro Italiano di Studi sull'Alto Medioevo, 1989. P. 332; *Джиовани дель Плано Карпини. История Монгалов. Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны* / Пер. А.И. Маленина. М., 1957.

¹⁴⁷ Там же. С. 109–111.

¹⁴⁸ *Марко Поло. Книга о разнообразии мира*. С. 327.

¹⁴⁹ *Скрягинская Е. Ч.* Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. Л., 1971; Путешествие Гильбера де Ланоя в восточные земли Европы в 1413–1414 и 1421 годах // Киевские университетские известия. 1873. № 8. Отд. 2. С. 39–43.

тов восточноевропейских государств¹⁵⁰.

В контексте изучения торговых путей, проходивших через земли русско-ордынского пограничья, в качестве дополнительных источников, содержащих информацию о торговых путях, истории крупнейших центров международной и региональной торговли, располагавшихся на территории Джучидского государства, автором привлекались выдержки из сборников коммерческо-правовых документов Генуи и Венеции, а также трактата флорентийского финансиста Франческо Бальдучи Пеголотти «*La Pratica della Mercatura*» («Практика торговли»), составленного между 1338 и 1342 гг.¹⁵¹ Сведения о торговых связях и структуре товарооборота североитальянских торговых республик с Золотой Ордой и опосредованно с русскими землями содержатся в бухгалтерских книгах (массариях) XIV–XV вв.

¹⁵⁰ Codex Diplomaticus Hungariae Ecclesiasticus ac Civilis / Studio et opera G. Fejer. Budaë, 1829. Т. 3. Vol. 219, 239; Codex diplomaticus Prussiae III, 21 // Боле-слав-Юрий II, князь всей Малой Руси: Сб. мат-лов и исследований. СПб., 1907. С. 191–192; Codex diplomaticus et epistolaris Slovaciae. Т. 2. Bratislavae, 1987. Nr. 150. P. 100–102; Послание польского короля Владислава Локетка, адресованное папе Иоанну XXII. Краков, 21 мая 1323 года // *Хаутала Р.* В землях «Северной Тартарии»: Сведения латинских источников о Золотой Орде в правление хана Узбека (1313–1341). Казань, 2019. С. 643–644; Послание галицко-волинских князей Андрея и Льва Юрьевичей магистру Тевтонского ордена Карлу фон Три-ру. Владимир, 9 августа 1316 года // *Хаутала Р.* В землях «Северной Тартарии»: Сведения латинских источников о Золотой Орде в правление хана Узбека (1313–1341). Казань, 2019. С. 641–642.

¹⁵¹ *Francesco Balducci Pegolotti. La Pratica della Mercatura* / Ed. by Evans. Cambridge, Mass., 1936.

Оригиналы массариев Кафы¹⁵² и Таны сохранились до нашего времени как составная часть архивов Банка св. Георгия Государственного архива Генуи и Государственного архива Венеции. Новейшее издание части генуэзских коммерческо-нотариальных документов в русском переводе вышло в 1998 г.¹⁵³ Торговая документация Республики св. Марка хранится в Государственном архиве Венеции. Информация из коммерческих актов и навигационных атласов Венецианской республики с комментариями представлена в работах известного российского византолога С.П. Карпова¹⁵⁴.

Отдельным комплексом письменных источников, содержащих информацию по истории и географии Улуса Джучи и зависимых от них государств (в том числе русских княжеств), являются сочинения мусульманских хронистов и географов.

¹⁵² Автором используется вариант древнерусской транскрипции данного топонима. В западноевропейских источниках и ряде современных исследований название города пишется согласно правилам латинской грамматики – Caffa (Каффа).

¹⁵³ Регесты документального фонда *Diversorum Filze* секретного архива Генуи, относящихся к истории Причерноморья // Причерноморье в Средние века. Вып. 3. М.; СПб., 1998.

¹⁵⁴ Карпов С.П. Налогообложение итальянской торговли и объем товарооборота в городах Южного и Юго-Восточного Причерноморья (XIV – середина XV в.) // ВВ. 1986. Т. 47; *Он же*. Пути средневековых мореходов. Черноморская навигация Венецианской республики в XIII–XV вв. М., 1994; *Он же*. Кризис Таны 1343 г. в свете новых источников // ВВ. 1994. Т. 55 (80). Ч. 1.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.